

Кир Булычев

ЛЮБИМЕЦ

Кир Булычев Любимец

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135169*

*Подземелье ведьм: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-12333-9*

Аннотация

Легко ли жить, находясь в чешуйчатых лапах пришельцев? Которые, к тому же, держат вас в качестве любимых домашних животных? Что должно случиться, чтобы положение изменилось, и сколько подвигов для этого нужно совершить?..

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	44
ГЛАВА 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Кир Булычев

«Любимец»

ПРОЛОГ

По редкому, почти невероятному совпадению первый космический корабль пришельцев, которых впоследствии было принято именовать спонсорами, опустился на берегу Волги между Калязином и Угличем в тот момент, когда Сергей Семенов и Клара разговаривали о летающих тарелочках.

В том месте берег полого и торжественно снисходит к реке от вершины холма, где стоит реставрированная усадьба Полонецких, а рядом с ней остренькой свечкой колокольня усадебной церкви. Ниже и правее протянулись дома деревни Белое Городище, за ней начинается лес.

Усадьба Полонецких долгие годы разрушалась, отданная сначала под детский дом, потом под мастерские, пока лет пять назад ее не взял себе под дом отдыха-профилакторий угличский завод «Красный воин». Сергей Семенов работал там физкультурником, а Клара отдыхала и была рада, что на нее обратил внимание столь значительный в масштабе дома отдыха человек.

Они сидели на лавочке, стоявшей возле самой воды, там, где начинались мостки на дебаркадер – пристань «Белое Го-

родище». Вечер был светлый, прозрачный, гулкий от невероятного простора и редких, неслышных днем речных звуков. Издалека доносился плеск рыбы, с того берега – звон цепи в колодце, а сзади, сверху, – музыка из дискотеки. Но эти звуки, хоть и явственные, были столь отдаленными, будто и не существовали на самом деле. Звон комара, поднимающегося от воды, был реальнее и громче.

Сергею Семенову хотелось произвести на Клару положительное впечатление, потому что он, несмотря на свою статью и должность, был неуверенным в себе молодым человеком, что заставляло его старательно, до изнурения поддерживать репутацию местного донжуана. Но несмотря на все свои краткие победы, Сергей обладал странным свойством характера – каждый роман начинать и вести так, словно раньше с женщинами он вообще не был знаком.

– Я неоднократно видел летающие тарелочки, – сказал Сергей. – Здесь большой простор и открытая местность, а я на рассвете выхожу на пробежку. Держу себя в форме. Вот посмотрите.

Сергей согнул руку в локте, взяв другой рукой послушные пальцы мелко завитой Клары, и положил их на свой бицепс. Потом, накрыв их ладонью, прижал к мышце. Клара молчала и не спешила отнимать пальцы.

– Вы чувствуете? – спросил Сергей.

– Да, очень, – хрипло ответила Клара.

– Я вам потом покажу мышцы брюшного пресса, – доба-

вил Сергей. – Ни грамма жира.

Тут же он смутился, решив, что Клара может ложно истолковать его слова. Поэтому добавил:

– Будем завтра купаться, посмотрите.

– Жалко, что я купальник не взяла, – сказала Клара, – раз уж все равно спустились.

– Некоторые отдыхающие у нас купались в обнаженном виде, – сказал Сергей. – Пришлось выписать.

– Нет, что вы, я не это имела в виду, – сказала Клара и зарделась. Но так как все предметы уже потеряли цвета и в ранних сумерках приняли разнообразные оттенки серого цвета, то Сергею показалось, что ее лицо неожиданно потемнело.

Возникла неловкая пауза, и Клара решила разрядить ее, спросив:

– А какие они, тарелочки?

– Я бы не сказал, что они тарелочки. – Тут Сергей вспомнил, что все еще прижимает к своему бицепсу тонкие пальцы Клары, и отпустил их. После секундного колебания девушка с легким вздохом убрала руку.

– А как? – спросила она, очевидно, имея в виду тарелочки.

– Смотрите вверх, – сказал Сергей.

Клара послушно подняла к небу острый носик – над головой и в той стороне, куда зашло солнце, небо было бесцветным, но на противоположной стороне неба, на синеве, уже высыпали звезды, а редкие светлые облака хранили отблеск красок заката.

Сергей обнял Клару за плечи, и она послушно прижалась к нему.

– Любое облако, – сказал он, – если хочешь, может показаться тарелочкой. Вон видишь – маленькое, светленькое?

– Это звезда?

– А ты представь, что это корабль – тогда он постепенно увеличится и сядет перед нами.

– Ой, как бы я хотела! – сказала Клара, кладя голову на плечо Сергею. Ее пышные, мелко завитые волосы щекотали ему щеку и нос, но он не убирал их, потому что волосы были теплыми и пахли травой и речной водой.

– Ты хочешь, чтобы они прилетели?

– Я давно мечтаю, – сказала Клара. – Мне так надоело ждать.

– А зачем?

– Они спустятся и скажут нам: зачем вы строите заводы и отравляете речки? Как вам не стыдно? Зачем вы воюете между собой? Сейчас же прекратите!

Последнюю фразу Клара сказала слишком громко, смутившись, замолкла.

– А если они как роботы-завоеватели? – спросил Сергей, проводя широкой ладонью по узкой горячей спине Клары. Клара обгорела на солнце, и спину щипало. От ласки Сергея ее прохватил озноб.

– Глупости! – сказала Клара. – Зачем лететь через звезды, чтобы нас завоевывать? Если цивилизация достигла та-

ких невиданных высот, то она уже стала гуманной и будет оказывать нам помощь.

– Я не знаю, – сказал Сергей. – Мне бы лучше, чтобы они не спешили.

– Почему? Ты боишься?

– А вдруг они будут наводить порядок и скажут: вы почему, Семенов Сергей, целуетесь на берегу Волги с отдыхающей Кларой Тумановой?

– А ты еще не целовался, – сказала Клара, откровенно толкая Сергея к выполнению угрозы.

Сергей наклонился и поцеловал Клару в тонкую и такую нежную шею. Клара запрокинула голову, чтобы он мог целовать и дальше, и увидела, как одна из звезд все увеличивается и увеличивается. Сначала она подумала, что ей так кажется от сладкой слабости, охватившей все ее тело, но звезда уже стала сверкающим диском.

– Тарелочка! – сказала Клара.

– Бог с ней, – сказал Сергей, ища губами губы девушки.

– Ты не понимаешь! – закричала Клара, вырываясь. – Это же они! Братья по разуму.

Сергей тоже посмотрел вверх и увидел диск.

– Жалко, – сказал он.

– Ты что, не понимаешь?

– Когда теперь удастся поцеловаться?

– Чокнутый какой-то! – возмутилась Клара. – Ведь сбывается вековая мечта человечества!

Сергей не стал больше спорить. Ему было не по себе. И даже странно, что Клара не испытывает ничего, кроме радостного возбуждения.

Когда на твоих обыкновенных глазах происходит Событие, ты, вернее всего, будешь стоять и смотреть, потому что неизвестно, что делать, если этого События раньше не случилось.

Они стояли и смотрели, как, все замедляя движение, громадный, более ста метров в поперечнике, диск вдавился в землю в стороне от них, по ту сторону дебаркадера, где к реке спускалось оставленное под паром поле.

Диск был так тяжел, что земля вздрогнула и воздух вжался в уши, так что удивленные и перепуганные крики, возникшие наверху в хрустальной тишине дома отдыха, откуда тоже увидели диск, сразу прервались.

– Я пойду, – сказала Клара. – Надо их предупредить...

Сергей схватил ее за руку и не пускал.

– Они, может, ждут, они боятся, – сказала Клара.

– Лучше уйдем, – сказал Сергей.

Он хотел уйти, он всей шкурой хотел уйти, убежать, спрятаться, но Клара об этом и не помышляла. Ею владело громогласное тщеславие, собственный радостный крик, шумевший в голове: «Я нашла! Я первая!»

– Пойдем, – повторил Сергей, рассчитывая, как бы лучше обхватить Клару, чтобы унести ее. Ведь он не мог ее бросить одну...

Но пока он размышлял, по окружности диска открылось множество небольших отверстий, словно маленькие иллюминаторы. Это было очень красиво, и Клара успела сказать: – Смотри!

Из этих отверстий под сильным напором, распространяясь по всему берегу выше к дому отдыха, в сторону реки и даже к тому берегу, к деревне, где замолчали забрехавшие было собаки, и к дебаркадеру, и к Сергею с Кларой, хлынула волна раскаленного до трех тысяч градусов дезинфицирующего газа, который должен был обеспечить полную стерильность и безопасность места высадки, а также нейтрализовать и уничтожить всю возможную враждебную и агрессивную среду, потому что из опыта высадок спонсоров на других мирах они вынесли убеждение: прежде чем разговаривать и исследовать, надо стерилизовать. Что и было сделано.

Сергей и Клара успели увидеть, как к ним несется ослепительно белая волна газа, но даже не успели побежать или закрыть лица... Их испепелило.

Вспыхнул и в несколько минут исчез деревянный дебаркадер, запылали дома в Белом Городище, усадьба Половецких и церковь – и даже деревья, старые липы, зеленые и могучие, занялись факелами. Пылали избы на том берегу Волги...

Посадка была произведена в соответствии с правилами и закончилась удачно.

Прошло почти сто лет.

ГЛАВА 1

Любимец влюбился

Я точно помню, что увидел ее впервые в пятницу шестого мая сразу после обеда.

Я решил позагорать у бассейна – купаться еще холодно, но если лежишь рядом с водой и солнце уже обжигает, можно вообразить, что наступило лето.

Я лежал так, чтобы поглядывать на соседний участок – с утра туда переехали новые соседи вместо Злобницы, улетевшей к мужу на Марс.

Я закрыл глаза и задремал, но вдруг проснулся, хотя ничего не мог услышать, – по газону шла рыжеволосая девушка.

Их бассейн начинается сразу за невысокой живой оградой, разделяющей наши участки. Она уселась на край бассейна, окунула в него пятку и сразу поджала ногу – не ожидала, видно, что вода такая холодная! Откуда она приехала, если не знает, что у нас в начале мая еще не купаются?

Думая так, я разглядывал ее, и девушка это заметила, кинула в мою сторону острый быстрый взгляд и отвернулась, словно только что смотрела не на меня, а на муху.

– Привет! – сказал я. – С приездом.

– Ах! – тихонько воскликнула она. И подняла левый локоть, чтобы скрыть от меня очертания полной груди.

– Вы надолго сюда? – спросил я, делая вид, что не заметил жеста.

– Мы здесь будем жить. – Ее тяжелые волосы падали на белые плечи.

– Меня Тимом зовут, – сказал я, поднимаясь. Мне хотелось, чтобы она увидела, как я сложен. Недаром я пробегаю стометровку за двенадцать секунд.

– Очень приятно, – ответила она с улыбкой, но не назвала себя.

Но тут же – о, ирония судьбы! – от дома послышался голос:

– Инна! Инночка, ты где? Скорей беги ко мне.

– Вот видишь, – сказала Инна, – мы и познакомились.

Она грациозно выпрямилась и побежала к дому. Мне очень понравились ее спина и ноги – у нее были длинные, прямые ноги с крепкими округлыми икрами.

На бегу она обернулась и помахала мне рукой.

Знакомство состоялось.

Я рассказал о ней Вику – цинику двадцати с лишним неслучайных лет, кудрявому, голубоглазому, породистому.

Вик – корыстный, наглый парень, я знаю ему цену, но дружу с детства.

– Да видел я ее, – отмахнулся Вик в ответ на мои похвалы в адрес Инны. – Ты редко бываешь в свете, сидишь сиднем дома, ни на выставке тебя не увидишь, ни в парке. Так что первое же смазливое личико в пределах твоего зоркого

взгляда – и ты готов!

– Я мечтаю о ней, – сказал я хрипло, чем вызвал вспышку хохота у моего друга.

– Ромео! – повторял он. – Ромео с голым задом!

Я хотел было врезать ему за слова, которые болью отозвались в моем оцарапанном сердце, но Вик увернулся. Я с трудом догнал его у самых ворот, повалил на траву и заломил руку за спину.

– Сдавайся! – прорычал я. – Не то растерзаю!

Тут, как назло, домой вернулась госпожа Яйблочко.

– Как дети! – закричала она, вываливаясь из флаера. – Сейчас же прекратите, уши оторву! Земля же холодная!

Она кинулась за нами, но куда ей догнать двух молодых людей.

– Ну ладно, ладно, – крикнула она нам вслед. – Я пошла готовить ужин, слышишь, Тимошка?

Она отлично знает, что я ненавижу это собачье имя. Я сделал вид, что не слышу.

Мы отбежали с Виком к старой трансформаторной будке.

Когда-то еще мальчишкой я любил прятаться здесь и воображать, что я подкрадываюсь к неуязвимому дракону в джунглях Эвридики... Я вырос, джунгли вырубili, дракона держат в зоопарке, а трансформаторная будка так и стоит, сто лет никому ненужная...

– Сегодня третью серию будут показывать, – сказал Вик.

– Если у нее есть сестра, – сказал я, – ты с ней тоже мо-

жешь познакомиться.

– Больно ты шустрый, – ухмыльнулся мой друг. – Ты уверен, что тебе разрешат с ней общаться?

– Я никого не намерен спрашивать.

– Ай-ай-ай, какие мы смелые!

– Тимофей! Тимоша! – Яйблочко звала меня самым ласковым из своего набора голосов. – Кушать, кушаньки, беги сюда, мой мальчик!

– С ума сойти! – засмеялся Вик. – Она намерена кормить тебя грудью до тридцати лет.

Тут я стукнул его кулаком по затылку, чуть голова не отвалилась. Он ахнул и примолк.

А я пошел домой вовсе не потому, что послушался Яйблочку, а боялся, что, если уж очень разозлю ее, она не допустит меня вечером к телевизору.

– Ноги вытер? – спросила Яйблочко, когда я вошел в дом.

Я не стал отвечать, а продолжил путь на кухню.

Яйблочко восседала за столом, перед ней стояла емкость с пойлом – ей доктор прописал. На моей тарелке лежал кусок трески, посыпанный зеленью. Редкое по нашим временам лакомство.

Прежде чем приняться за обед, я подошел к окну и поглядел в него – окно выходило к дому Инны. Но самой девушки не было видно.

После обеда мы отдыхали, а потом Яйблочко повела меня гулять.

Я не люблю эти почти ритуальные прогулки – Яйблочко не та спутница, которую человек выбирает по доброй воле. Но я ее не выбирал.

В тот день, идя рядом с ней, я впервые глубоко задумался о несправедливости судьбы. Ведь каждый из нас таков, каким он родился, каким его воспитали. Я предпочел бы иную судьбу, пускай не такую надежную и сытую, пускай полную лишений и опасностей, как у бродяг и охотников. Впрочем, я их никогда не видел.

Чем ближе к центру городка, тем больше встречалось парочек, подобных нашей. Яйблочко раскланивалась с ними, приседала, покачивала бедрами, звенела нитями железных бус, а когда она наклоняла вперед бюст, мне все казалось, что сейчас она угодит этими бусами мне по темечку – и я замертво рухну на мостовую.

Я понял, что Яйблочко направляется в бар «Олимпия» при торговом центре. Там она будет сосать неудобоваримые напитки с себе подобными дамами, а я побуду с людьми.

Мы подошли к бару, и Яйблочко, добрая жаба, заявила: – Тимоша, если ты побудешь в общей комнате, мы потом в кино сходим, хорошо?

Я отвернулся. Она должна думать, что я расстроен больше, чем на самом деле. А я не имел ничего против того, чтобы поболтать со старыми приятелями, пока ты, голубушка, вкушаешь свое вонючее зелье.

Так что я молча посмотрел на нее красивыми, выразитель-

ными серыми глазами.

Но Яйблочко выдержала мой укоризненный взгляд и вытащила из сумки намордник. Я побледнел, но Яйблочко показала на объявление над входом в комнату:

**ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ДОМАШНИХ ЛЮБИМЦЕВ
ВХОД БЕЗ НАМОРДНИКОВ ВОСПРЕЩЕН**

Объявление мне было знакомо и унизительно. Но я не стал спорить и капризничать, не то настроение.

Я сам подставил лицо, и Яйблочко не грубо, я бы сказал, с неуклюжей нежностью приспособила мне на лицо намордник, который прикрывал нижнюю часть лица. Я вполне допускаю, что когда-то, по недоразумению, кто-то из домашних любимцев укусил другого человека. Но кто и почему дал право возвести этот случай в ранг правила? С чего они решили, что мы обязательно должны бросаться друг на друга и кусаться?

В большой комнате, где хозяева оставляют домашних любимцев, пока пьют кофе, болтают в кафе или выбирают что-нибудь в магазине, было человек тридцать, не меньше. Все в намордниках, но если у меня он был простой, почти невидимый, – мы с Яйблочкой старались свести унижение к минимуму, то у других людей на физиономиях порой красовались нелепейшие защитные сооружения: у кого из кованой проволоки, у кого в виде керамического цветника.

Я сразу увидел Вика, который сидел перед телеэкраном, на нем был розовый намордник, имитирующий хоккейную

маску вратаря Хризабудкина – мне было бы стыдно появиться в обществе в таком виде. Я обвел присутствующих взглядом, надеясь, что среди них есть Курт, который обещал мне жвачку. Мерзавец Вик неправильно истолковал мой ищущий взор и, поправив завитую гриву волос, ехидно заметил.

– Сюда самочек не заводят. Может плохо кончиться!

– Я Курта ищу.

Я и без него знал, что девушке здесь не место. Среди домашних любимцев встречаются скоты.

– Нет здесь Курта, – сказал Вик.

– А что по телеку показывают?

Вик не ответил. Показывали исторический фильм о первой высадке спонсоров на Землю.

...Толпа поселян в уродливых одеждах радостно гоготала при виде того, как из открытого люка корабля не спеша выходят три спонсора. Они массивны, они куда крупнее и тяжелее человека, некоторые достигают четырех метров. Из скафандров высовываются чешуйчатые зеленые лапы с длинными, цепкими, словно без костей, пальцами. Зеленые, блестящие, словно смазанные жиром головы покрыты чешуйками. Пришельцы здороваются с поселянами.

– Сегодня юбилей! – произнес вдруг сидевший рядом со мной средних лет мужчина в какой-то глупой попонке. – Столетие! Столетие первого счастливого контакта!

– Выпить бы, – произнес какой-то жалкий замарашка. Порой в комнату для отдыха домашних любимцев проникают

с улицы бродячие люди. Затерявшись среди нас, они могут рассчитывать на стакан лимонада или на горсть орешков. – Выпить бы, я сказал! По случаю счастливого юбилея!

Он смотрел на меня в упор, словно я сейчас вытащу из-под мышки бутылку самогона.

Чтобы не встречаться с его наглым взглядом, я обратился к экрану. Странная мысль посетила меня: как изменилась жизнь на Земле за прошедшие сто лет! Хотя меня тогда еще не было на свете, я знаю по старым пленкам и журналам о мире насилия, неуверенности, ранней смерти и нищеты, о мире, в котором господствовало право сильного, где люди, будто стремясь к самоубийству, уничтожали реки и отравляли воздух... страшно подумать, что было бы без Визита!

Замарашка уже приставал к Вику, и я слышал его занудный голос:

– Ну глоток достань, ну достань, братишка, ты же можешь, ты же гладкий!

Я с радостью смотрел, как на экране спокойно, с чувством собственного достоинства двигаются спонсоры, вбирая лучащимися добротой глазами окружающую действительность. Интересно, какие мысли проносились в тот момент под этими высокими зелеными лбами! Яйблочко как-то, поглаживая меня по спинке, рассказывала мне о ее отце – одном из первых спонсоров. Она уверяла, что спонсоры были огорчены тем, что увидели на Земле.

– Ай! – Отчаянный крик разорвал мирный шумок комна-

ты отдыха.

Я вскочил. Все вскочили. Так я и думал: Вик, элегантный, милый, казалось бы, генетически лишенный агрессивности, как дикий пес набросился на замарашку, и они катались по полу, пытаясь вцепиться зубами в горло друг другу. Остальные вскочили со своих мест, окружили спорщиков кольцом и аплодисментами и криками подбадривали их. Такое поведение моих товарищей меня возмутило.

– Как вы себя ведете! – закричал я. – Постыдитесь! Вы забыли о том, что наши спонсоры не жалеют времени и сил, чтобы научить нас высокому пониманию добра! Мы не имеем права падать до элементарной драки. В любую минуту нас могут увидеть!

Но, как назло, никто не слышал меня. Зато на шум ворвались два магазинных милиционера с электродубинками. Они вели себя так, словно мы все были преступниками и хулиганами – колотили дубинками, валили на пол, топтали ногами. Мы были вынуждены забиться в углы комнаты, но и там нас доставали эти садисты.

Меня всегда возмущали те люди, которые не видят границы между любовью к нашим спонсорам, сотрудничеству с ними и услужению им за счет своих соплеменников. Как говорится, «служить бы рад, прислуживаться тошно!» Вот это – мое кредо.

Но кредо не могло защитить меня от ударов, меня, пальцем никого не задевшего и не принимавшего участия в этой

постыдной драке, спровоцированной, как я честно признался Яйблочке, когда она взяла меня из комнаты отдыха, проходимцем-замарашкой, возможно, агентом деструктивных сил, выступающих под ложным лозунгом: «Земля для людей!»

— Где бы они сейчас были, — проворчала в ответ Яйблочко, натягивая поводок, на котором вела меня домой и предназначенный (в моем конкретном случае) только для того, чтобы защитить меня в случае неожиданной опасности. — Если бы не наша экспансия, они бы вымерли от собственных нечистот.

Разумеется, я полностью согласен с моей милой, добродушной Яйблочкой, четырехметровой неуклюжей лягушатиной!

Я решил воспользоваться ее тревожным настроением и сказал:

— Госпожа, я тут видел трехцветный электронный ошейник.

— Зачем тебе? У тебя совсем еще новый.

— В него вживлена система предупреждения. Если меня захотят украсть, то он сразу даст сигнал.

— Небось бешеных денег стоит, — проворчала моя хозяйка.

И я понял, что ее постоянный страх потерять меня, лишиться ее лапушки, псеночка-котеночка, дорогого моего человечка, которого она искренне почитала членом семьи, заставит раскошелиться. Такой триколер уже купили Вику, вся

наша улица с ума посходила от зависти.

Мы повернули к дому. Скоро должен был вернуться со службы сам спонсор Яйблочко, и мы с госпожой всегда с трепетом ждали этого момента.

– Пока ты дрался в зверинце, – продолжала Яйблочко (я попытался было возразить, но она не слушала меня, она думала вслух), – мы с дамами как раз обсуждали новости из Симферополя. Это же надо – ограбить курортный автобус! Я не сторонница жестокого обращения, но всякому терпению есть предел. И этот нелепый лозунг...

– «Земля для людей!» – сказал я, и получилось чуть более вызывающе, чем мне того хотелось.

И тут же Яйблочко перетянула меня по голой спине плетью, которую всегда носила с собой, чтобы отгонять от меня поклонниц.

Это меня глубоко оскорбило. Если ты больше и сильней, это не означает, что можно пускать в ход плетки. Я лег на голый пыльный асфальт. В знак протеста я решил тут же умереть!

Яйблочко дернула меня за поводок. Я не сопротивлялся. Она потянула сильнее и буквально поволокла меня, не думая о том, что я могу оцарапаться и у меня начнется нагноение, откуда всего шаг до гангрены!

Я поднялся на ноги. Ведь не ей мучиться перед смертью – тупой скотине! Если они захватили Землю, потому что у них есть одуряющие газы, лазерные пушки и черт знает еще ка-

кое оружие, это не означает, что люди – рабы. Нет, мы не сказали еще последнего слова! Мы тоже цивилизованные люди!

Яйблочко, видно, почувствовала гнев, исходящий от представителя порабощенного, но не сдавшегося народа, потому что перестала тянуть за поводок и сказала виноватым голосом:

– Отряхнись, Тимоша. Нельзя же так себя вести – люди смотрят.

– Пускай смотрят, – сказал я, но все же подчинился. Я человек добрый и отходчивый.

Мы продолжали наше движение к дому.

Порой нам встречались другие спонсоры и спонсорши, совершавшие послеполуденную прогулку с домашними любимцами. Спонсоры раскланивались и перекидывались фразами на своем языке, и это давало возможность и нам, любимцам, также обменяться приветствиями и новостями.

– Слышал, Тим, – спросил меня Иван Алексеевич из хозяйства Плийбочико, – у Сени чесотка. Его на живодерню отвезли.

– Не может быть!

– Ты с ним не общался?

Иван Алексеевич мне неприятен. Всю жизнь он служит своим спонсорам за пределами разумного. Он даже бегают для хозяйки в магазин и качает их ребенка. Нельзя же так унижаться!

– Наверное, это преувеличение, – сказал я, а у самого

сердце сжалось от жалости к Сене, вежливому, воспитанному человеку.

Яйблочко неожиданно потянула меня дальше, и ошейник впился в горло. Хорошо еще, что она не услышала о Сене. А то бы потащила к ветеринару!

Зрелище, открывшееся моим несчастным глазам, отвлекло меня от физических страданий.

Навстречу нам по бульвару шел жабеныш и вел на золотой цепочке мою возлюбленную!

Нет, я никогда не спутаю ее ни с кем на свете! Ее светлый образ запечатлелся в моем мозгу до конца дней.

– Ты куда? – закричала Яйблочко и так дернула меня назад, что я потерял равновесие и, чтобы не упасть на землю, был вынужден встать на четвереньки.

Девушка, которая улыбнулась было мне как старому знакомому, при виде моего несчастья рассмеялась – мелодично, звонко и обидно. Ее спонсоренок остановился и тоже принялся смеяться, как смеются они все – хрюкая и выпячивая живот.

– За что? – только и спросил я, поднимаясь и стараясь сохранить чувство собственного достоинства. – Неужели тот факт, что сто лет назад вам удалось покорить Землю, дает вам основания так обидно и горько унижать ее население?

Видно, в сердце этой туши что-то шевельнулось, потому что Яйблочко строгим голосом приказала жабенку-спонсоренку прекратить смех. У них с дисциплиной строго.

Жабеныш замолчал и потащил мою возлюбленную на боковую дорожку. Она так элегантно и легко бежала рядом с ним, чуть подпрыгивая на бегу, линия ног столь плавно переходила в круглый задик, рыжие кудри так нежно и игриво струились по узкой спине, что у меня перехватило дух. И все попытки и потуги Яйблочко оторвать меня от этого волнующего зрелища были тщетны. Ей пришлось подхватить меня на лапы и, прижимая к жесткой грудной чешуе, отнести домой.

* * *

Мы больше не разговаривали с Яйблочкой. Она не скрывала своего недовольства, я – обиды.

В хорошие дни меня кормят вместе со спонсорами, в гостиной, но тут Яйблочко поставила мне миску на кухне в углу. Я взял ее, сел на подоконник, чтобы похлебать, глядя в окно в надежде, что моя возлюбленная вернулась с прогулки, но Яйблочко заглянула на кухню, дала мне подзатыльник и согнала с подоконника. Я готов был отомстить ей и отказаться от ужина, но страшно хотелось кушать, и я отложил месть на следующий раз.

На этом мои несчастья не закончились. Ни с того ни с сего моя жабина устроила уборку в чулане и отыскала там книжку комиксов про супермена Иванова, которую я выменял у Вика за старую монету. И когда домой заявился со службы

мрачный спонсор Яйблочко, она еще до обеда подсунула ему свой трофей.

Голодный и потому особо опасный для человечества пришелец Яйблочко вытащил меня из-под дивана, куда я пытался забиться, и безжалостно избил электрическим хлыстом. Его желтые глазки при этом горели яростным садистским огнем, но при том он беседовал со мной, словно не причинял мне невыносимую боль, а распивал чай.

– Неужели ты до сих пор не усвоил, хомо сервилиус, что чтение – прерогатива разумных существ? Сегодня ты начал читать...

– Но это же только комикс! Ой, больно!

– Будет еще больнее... Сегодня ты читаешь комикс, а завтра ты выйдешь на улицу с пластиковой бомбой!

– Никогда я не посмею поднять руку на своего кормильца!

– Ты не поднимешь, пока ты нас боишься, но как только исчезнет страх, ты станешь опасен.

Рассуждая, спонсор Яйблочко продолжал меня колотить.

Я уже захлебывался от слез и боли и был близок к тому, чтобы потерять сознание, когда госпожа Яйблочко вырвала меня из рук супруга и отнесла на подстилку.

Они говорили за дверью на своем зверском языке, который я знал как собственный. Любопытно, что ни один спонсор не верит, что человек может выучить их язык – это как бы за пределами наших умственных возможностей. Хотя практически все домашние любимцы, кроме уж самых ту-

пых, понимают разговоры спонсоров. А как иначе? Они решат отправить тебя на живодерню, а ты будешь хлопать глазами?

– Пожалуй, ты был с ним излишне жесток, мой повелитель, – сказала госпожа Яйблочко.

Ее муж что-то прохрюкал в ответ.

– Ведь он же нам не чужой.

Опять неразборчиво.

Я подполз к двери, волоча за собой подстилку. Идиотский запрет людям одеваться, который свел в могилу уже много тысяч человек, особенно ужасен, когда тебя побьют. Тебя знобит, а накрыться нечем.

Кое-как натянув подстилку на синяки и царапины, я улегся у двери в их комнату.

– Но мы взяли его малышом! Помнишь, какой он был забавный!

– Он уже не забавный. Надо думать, что делать с ним дальше.

– Он безобидный.

– Ты не думаешь о животном! У него тоже свои потребности, – рассудительно и размеренно говорил спонсор. Но почему надо называть меня животным, если давно уже доказано, что люди разумны?

– Какие потребности у Тимоши?

– Потребности взрослого кобеля!

– Ну уж!

Затем последовала пауза. Видно, спонсор доканчивал ужин, а его супруга размышляла. Она размышляет со скоростью улитки.

– Ты прав, – услышал я ее голос. – Я сегодня уже об этом думала.

– А что случилось?

– При виде одной... особи женского пола он чуть было поводок не оборвал.

– Я же говорил! Отвезем его в клинику. Пять минут – и больше не будет проблем.

– Нет! – почти закричала госпожа спонсорша. – Только не это!

– Почему? Миллионы людей проходят через эту операцию. Она сразу снижает уровень агрессивности, улучшает характер животного. Если операцию вовремя не сделать, это может кончиться трагедией. Ты же знаешь, сколько молодых самцов убегало из домов, попадало под машины, в облавы, на живодерню!

– Только не это! Я не переживу. Я не знаю, как мне жить без моего Тимошеньки!

– Не раскисай. Он тебе будет только благодарен.

За дверью наступила зловещая страшная тишина. Я физически ощущал, как тяжело думает моя спонсорша. Она всерьез обдумывает проблему: не уничтожить ли во мне мужчину? Она – существо, с которым мы вместе живем уже около двадцати лет, она, которая вставала ко мне ночью, когда

у меня была scarlatina, которой я приношу ночные туфли и подогретый бульон, если у нее бессонница... Неужели госпожа Яйблочко согласна на то, чтобы я, самое близкое к ней существо, подвергся страшной операции. О нет!

— Ну ладно, — услышал я голос госпожи, — ложимся спать. Завтра еще раз обсудим.

Дверь открылась, госпожа велела мне идти наверх в спальню, лечь на коврик у их постели. Я с трудом подчинился. Все тело ломило. Ужас сковывал мои члены.

Господа заснули быстро, но я, разумеется, не спал. Они занесли топор над самым важным даром природы, над моим естеством! Я знаю этих несчастных рабов, этих домашних любимцев, лишенных мужского достоинства. Это ничтожные счастливые тени людей, которые доживают свой растительный век, не оставив следа на Земле.

Я бесшумно поднялся и подошел к окну.

Отсюда, со второго этажа, был виден газон, разделяющий наш дом и дом, где живет Инна. И тут я увидел в ночной полутьме, как она, легкая, душистая, вышла на этот газон, легла на спину и потянулась. Вот вся она — нега, ожидание любви, томление, счастье!

Хлопнула дверь, высунулся ее жабенок. Позвал спать. Моя возлюбленная лениво поднялась и вернулась в дом. А я был готов умереть...

На следующее утро никто не вспоминал о вчерашних бур-

ных событиях. И я, проснувшись в ужасе от кошмара, который мне приснился, тут же пришел в себя, услышав ласковый голос спонсорши:

– Тимоша, скорей мыться и за завтрак! Я тебе кашку сварила!

Она погладила меня по голове и сказала, что поведет на заливку, а я ждал только момента, чтобы меня выпустили погулять в садик, и я там увижу...

Как назло, она долго не отпускала меня. Сначала ей пришлось в голову сделать мне педикюр, потом ей показалось, что у меня жар, и она заставила меня поставить градусник. А я старался не глядеть в окно, чтобы не вызвать в ней подозрений.

– А на господина Яйблочко ты не сердись, – говорила спонсорша, перебирая мои кудри, – он бывает груб, но он всегда справедлив. Ты же знаешь, у него в части много организационных проблем, и он не может позволить себе расслабиться. С вами, людьми, все время жди подвоха. Вы как испорченные дети.

– Почему испорченные?

– Потому что норовите сделать гадость исподтишка, потому что не помните добра, потому что лживы... потому что... миллион причин! А ты чего на меня уставился? Наелся – иди погуляй. Но за забор – ни шагу.

Я послушно поклонился Яйблочке и подождал, пока ее зеленая чешуйчатая туша уплывет из кухни. И тут же кинул-

ся в сад. Сердце подсказывало мне, что Инна ждет меня там или выглядывает из своего окошка, чтобы выйти, как только я появлюсь.

Я прошел через газон, присел у бассейна, пощупал ступней воду. Вода была холодной. Я прошел к кустам, что выросли у изгороди и надежно скрыли бы тех, кто пожелал уединиться от любопытных глаз.

Там было пусто. И пустота эта была насыщена звоном насекомых, щебетом птиц и подобными мирными, совсем не городскими звуками. Старшие говорят, что раньше на Земле было не так тихо и красиво, но спонсоры запретили вонючие двигатели и разрушили вредные заводы. Сами они не нуждаются во многих вещах, производимых людьми, и люди тоже быстро отвыкли от таких предметов, как ботинки или печки, даже от одежды, отчего теперь, как мне рассказывали, люди живут только в теплых местах нашей планеты.

– Тим, – сказала Инна, заглядывая в кусты, – я так и знала, что найду тебя здесь.

– А я специально сюда пришел, – сказал я. Я был счастлив. Но не мог объяснить мое чувство. Оно не было тем чувством, в котором меня так подозревали хозяева. Мне хотелось смотреть на Инну и если дотронуться до нее – то только кончиками пальцев.

– Тебя били? – спросила Инна.

– Вчера, – сказал я. – Из-за тебя.

– Из-за меня? – Глаза у нее были синие, ласковые.

– Они решили, что я слишком... слишком несдержанно себя веду. Что пришло время меня... – И тут язык у меня не повернулся сказать, в чем дело, хотя в этом не было тайны или чего-нибудь необычного – больше трех четвертей мужчин после двадцати лет подвергались ампутации этих органов для их собственного блага и в интересах демографии.

– Не может быть! – догадалась Инна. – Только не это!

– Почему? – вырвалось у меня. Мне хотелось услышать приятный для меня ответ.

Инна отвернулась. Вопрос ей не понравился. Видно, показался циничным.

– Прости, – сказал я. Я почувствовал себя виноватым перед этой девушкой. Я любовался ее профилем – у Инны был короткий нос, который чуть подтягивал к себе верхнюю губу и приоткрывал белые зубки. – Прости, зайчонок.

– Ты – дурак, – сказала Инна. – У тебя, наверное, никогда девушки не было.

– Откуда? – согласился я. – Меня ведь щенком взяли, из питомника. Так и живу домашним любимцем. Я другой жизни и не знаю.

– А я помню мою маму! – сказала Инна.

– Не может быть!

Это было так удивительно. Никто не должен знать родителей. Это преступление. Это аморально. Любимец принадлежит тому спонсору, который первым сделал на него заявление.

– Она сама созналась, – прошептала Инна. – Рассказать?
– Конечно, расскажи.

Инна подсела ко мне поближе, так, что наши плечи касались. Я положил ладонь ей на коленку, и она не сердилась. Почему, подумал я, она упрекнула меня тем, что у меня не было девушки? Значит, у нее кто-то уже был?

Эта мысль несла в себе горечь, какой мне никогда еще не приходилось испытывать.

– У нас в доме была еще одна любимица, старше меня, – сказала Инна. – Она меня многому научила. И она мне рассказывала о людях, которые живут на воле.

– Ты об этом не знала?

– Я только знала, что плохо жить не в доме.

В этот момент совсем близко затрещали сучья, затопали тяжелые шаги. Я даже не успел отскочить – отвратительный жабеныш, сынок спонсора Инны, навалился на меня и стал заламывать мне руки.

– Вот чем ты занимаешься! – рычал он.

Я успел увидеть, как он наподдал ножищей в бок Инне, и она отлетела в сторону. Но я был бессилен помочь ей – жабеныш уже тащил меня из кустов, выворачивая руку, и я вопил от боли.

На мой вопль выскочила госпожа Яйблочко.

Она возмущенно заверещала:

– Как ты смеешь! Это не твой любимец! Сейчас же перестань мучить Тимошку!

А жабеныш, не отпуская меня, верещал в ответ:

– А вы посмотрите, вы посмотрите, чем он в кустах занимался! Она у нас еще девочка, она еще невинная, насильник проклятый! Ты от меня живым не уйдешь.

Он наступил мне на живот, и я понял, что еще мгновение, и я погибну – видно, это почувствовала и моя Яйблочко. И несмотря на пресловутую сдержанность и рассудочность спонсоров, мысль о возможной потере любимца настолько ее разгневала, что она кинулась на жабеныша и принялась безжалостно молотить его зелеными чешуйчатыми лапами. Тот сопротивлялся, но был всего детенышем, да еще детенышем, посмевающим на чужой территории драться с хозяйкой дома, – так что я был спасен, и через несколько минут, подвывающий от боли и унижения, наш сосед удалился в свой садик и принялся оттуда ворчать:

– Где эта мерзавка, где эта тварь развратная? Я ей покажу... Мама-а-а-а, меня госпожа Яйблочко избилла...

– Вот видишь, – сказала моя спонсорша, помогая мне подняться и дойти до дома, чего без ее помощи я бы совершить никак не смог. – Мы были совершенно правы: если тебе не сделать операцию, то ты и. дальше будешь попадать в неприятные истории. И не надо отворачиваться и плакать, не надо слезок, мой дорогой. Это так быстро и под наркозом. Ты проснешься счастливым, а я тебе испеку пирожок. Ты давно просил у меня пирожок с капустой.

Я молчал, борясь со слезами. Она ведь была, в сущности,

доброй спонсоршей. У других людей хозяева бывают куда более жестокие и грубые. Иной бы даже и говорить ничего не стал – отвезли куда надо, сделали что надо – и ходи счастливый!

Я лежал на подстилке в своем углу, и странные, несвязные мысли медленно кружились в голове. Вдруг я подумал, что у меня, наверное, никогда не будет разноцветного электронного ошейника, как у Вика. Ведь спонсоры мной недовольны. И тут же мысль перескочила на мое собственное преступление, и я понял, что преступления не было. Я даже хотел было вскочить и пойти к хозяйке и сказать ей, что я и не пытался обидеть Инну, то есть напасть на нее, и, в конце концов, это наше дело, дело людей, как нам обращаться друг с другом! Я не собираюсь целовать спонсоршу Яйблочко! Тут я неожиданно для себя хихикнул, но, к счастью, она меня не услышала. Она уже уселась за вышивание флага для полка спонсора Яйблочко, потому что старый истрепался на бесконечных маневрах и парадах.

Я повернулся на спину, но спина болела – что-то мне этот зеленый жабеныш повредил. Пришлось лежать на боку... Я понимал, что обречен, и хотя мой опыт в любви был умозрительным и за те девятнадцать лет, что я прожил на свете, мне не приходилось быть близким с женщиной, другие любимцы показывали мне картинки и рассказывали – чего только не наслушаешься в комнате отдыха для домашних любимцев!

Раньше я не знал, что теряю в случае операции, которой должен покориться, да и не задумывался об этом... Но теперь я встретил Инну и все изменилось – мысль об операции для меня ужасна... но почему? Ведь не стал мне отвратительней дантист после того, как заболел зуб? Глупо и наивно... Какое мне дело до продолжения какого-то рода? Нас, домашних любимцев, это не касается. Хотя как-то в комнате отдыха рассказывали, что у одних спонсоров жили вместе и спали, на одной подстилке домашний любимец и домашняя любимица, хоть это и строго запрещено. И когда они подросли, то стали... В результате у любимицы родился маленький ребеночек. Его хотели утопить, чтобы скрыть преступление, его кинули в речку, а он не утонул, его подобрали, а потом один умный следователь разгадал эту тайну... Впрочем, не помню, врать не буду.

Так я и заснул... потому что был избит и морально подавлен.

Я несколько раз просыпался за тот день. Сначала от шума, потому что пришли соседи – спонсорша и ее жабеныш, который пожаловался на мою хозяйку. Был большой скандал, причем обе зеленые дамы угрожали друг дружке своими мужьями, и это было курьезно. Потом соседка начала кричать, что меня надо обследовать на случай, если у меня заразная болезнь, на что моя хозяйка сказала, что это у Инны заразная болезнь... В общем, жабы развлекались, а я прятался на всякий случай за плитой, потому что не исключал, что меня

побьют.

Обошлось. Соседи ушли, а хозяйка пришла на кухню, встала у плиты и, заглядывая сверху в щель, прочла мне нотацию о том, что бывают неблагодарные твари, в которых вкладываешь силы, нервы, время, а они не отвечают взаимностью. Я догадался, кто эта тварь, и огорчился. Значит, они все же повезут меня на операцию.

Вечером я получил подтверждение своим страхам – хозяйка, как всегда убежденные в том, что ни один домашний любимец не выучит их паршивый язык, – спокойно обсуждали мою судьбу.

– Я убеждена, что наш Тимошка и пальцем ее не тронул, – говорила госпожа. – Она сама его заманила в кусты с известными намерениями. Ты же знаешь, как быстро развиваются их самочки.

– Но соседский детеныш тоже хорош!

– Я виню себя в несдержанности.

– Он напал на тебя на нашей территории.

– Но он еще слабый и глупый...

Я дремал, вполуха слушая этот неспешный разговор.

И вдруг проснулся.

– Ты завтра позвонишь ветеринару? – спросила хозяйка.

Еще ничего не было сказано, а в мое сердце вонзилась игла.

– А почему ты сама не сможешь?

– У него наверняка очередь месяца на два – сколько при-

ходится проводить операций!

— Это точно, я все-таки сторонник гуманной точки зрения, — бурчал мой спонсор, — лишних надо топить. Топить и топить. И тогда не будет проблем с ветеринарами.

— Ты хотел бы, чтобы Тимошу утопили?

Хозяин понял, что хватил через край, и отступил:

— Тимоша исключение, — сказал он. — Он как бы часть дома, он мне близок, как этот стул...

Сравнение было сомнительное. По крайней мере для меня оно прозвучало угрожающе. Старые стулья бросают в огонь.

— Ладно, — сказал спонсор, — я сам позвоню и договорюсь... А ты напиши официальное примирительное письмо соседям. Я его отнесу. Нам с ними жить, а он второй адъютант гарнизона.

Мне было грустно, что мои хозяева — не самые сильные на свете. Мне хотелось бы, чтобы они были всемогущи и не боялись каких-то паршивых жабенышей... Потом я стал уговаривать себя, что ветеринар так занят, что не сможет сделать операцию еще целый год, а к тому времени мы что-нибудь придумаем и, может, даже убежим вместе с Инной, или мои спонсоры сжалятся над моими чувствами и купят Инну у наших соседей. Мы с ней будем жить здесь и спать на моей подстилке, а нам купят с ней одинаковые трехцветные ошейники... С такими счастливыми мыслями я заснул.

Но, проснувшись, я понял, что радоваться нечему. Каждый телефонный звонок я воспринимал как звон погре-

бального колокола, каждый пролетающий флаер мне казался вестником злой судьбы. Но судьба молчала до шести вечера. Именно тогда позвонил хозяин. Его зеленая морда занимала весь экран телефона, и я, стоя за спиной хозяйки, слышал каждое слово.

– Все в порядке, – сказал спонсор, словно разговор шел о том, чтобы купить мне на зиму новую попонку, – я нажал на него, сказал, что Тимофей представляет опасность для окружающих ввиду его чрезвычайной агрессивности, но нам бы не хотелось его усыплять, потому что моя жена к нему привязана... в общем, он согласен.

– Когда же? – спросила госпожа Яйблочко.

– Сегодня в двадцать один тридцать!

– Ты с ума сошел! У меня в двадцать двадцать массаж.

– Придется поступиться своими интересами, – сказал спонсор, – ради интересов домашнего любимца.

– Это ужасно! Я даже не успею приготовить тебе ужин!

– Как хочешь, – рявкнул спонсор. – Я не буду снова унижаться перед ветеринаром!

– Хорошо, хорошо...

Госпожа обернулась ко мне – она догадалась, что я стою за ее спиной.

– Вот все и обошлось, – сказала она, как будто операция уже прошла. – Мы с тобой это сделаем и уже завтра обо всем забудем. Не печалься, выше голову, мой человечек! – Хозяйка погладила меня, и я был готов укусить ее за чешуйчатую

ладонь, но удержался. Человек я, в конце концов, или нет! – Иди в садик, погуляй пока, – сказала она. – Я ужин приготавливаю и пойдем. Тут недалеко.

Просить, умолять – бессмысленно. Спонсорам чужды наши человеческие чувства. Они живут в рациональном мире, и даже странно, что в свое время, в дни Великого покорения, они не истребили всех людей. Может быть, именно наша эмоциональность, наши чувства, наши слабости вызвали в ком-то из спонсоров ответные чувства? Ведь не даром их психологи так рекомендуют держать человека в доме, в котором есть жабеныш, простите – детеныш.

Наступил зябкий, вялый весенний вечер. Я вышел в сад. Конечно же, Инны не было видно – ее спрятали за семью замками. Но, может, она глядит сейчас в окно?

Я сорвал цветок ромашки и стал его нюхать, показывая всем своим видом, насколько я удручен и опечален. Если она смотрит, то тоже плачет. Что же делать, думал я, если бы было место на Земле или вне ее, хоть какое-нибудь место, чтоб там мог спрятаться и прожить оскорбленный и униженный человек – представитель гордой расы людей. Но я не желаю стать бродячим псом, который будет рыться на свалке и ждать того момента, когда его поймают и отвезут на живодерню! Нет уж лучше смерть, лучше операция... Я видел этих замарашек, я видел, как их везут через город в фуре с решеткой и они скалятся на прохожих, потому что им ничего больше не остается, как скалиться. Нет, человек – это звучит

гордо! Пускай я буду оскроплен, но я не склоню головы!

Рассуждая так, я отбросил ромашку и ходил по газону, заложив руки за спину и порой отмахиваясь от навозных мух, которые норовили сесть на мое гладкое, нежное тело.

– Эй, Тимоша! – услышал я насмешливый голос.

Мой друг Вик перепрыгнул через изгородь и оказался рядом со мной.

– Как только тебя пускают одного гулять по городу! – удивился я.

– Ты же знаешь – моя старая жаба не в состоянии за мной уследить. Да и не стал бы я слушаться.

– Вик, – сказал я, – у меня горе!

И я поведал ему о том, что скоро меня поведут к ветеринару.

– Честно сказать, – произнес Вик, выслушав мой короткий рассказ, – если бы такое произошло со мной, я бы убежал или повесился. К счастью, меня отобрали в производители, и мне пока ничего не грозит.

– Но почему тебе так повезло? Почему?

– Я из очень хорошей породы. Меня еще в детстве измеряли и исследовали. Целый месяц держали в евгеническом центре.

– Где?

– Там, где проверяют породы и выводят новые.

– А мне нельзя в этот центр?

– Поздно, мой друг, поздно, – сказал Вик. – Да и работа

эта не по тебе. Все время ты должен заниматься спортом, соблюдать диету, быть готовым работать в любое время дня и ночи.

– А почему твоя спонсорша на это согласилась?

– Тщеславие, тщеславие, – вздохнул Вик. – Таких, как я, очень мало, а породистого детеныша хотят многие семьи. Не уличного, не случайного – именно породистого. Кстати, я и здесь не случайно. В двенадцать мне – в этот дом. На работу.

– Что? – Меня как током ударило. – Что ты имеешь в виду?

– Инна, которая здесь живет, ну, которая тебе понравилась!

– И ты... ты что?

– Сегодня с утра ее хозяйка позвонила моей и просит: мне срочно нужен ваш самец! Наша девица, говорит она, созрела, и вокруг нее уже выются ухажеры... Тим, Тимка, ты что? На тебе лица нет.

Он отступил передо мной...

– Я как раз подумал, – продолжал он говорить, отступая, потому что был большой дурак и не мог замолчать, пока не выскажет все, что в нем накопилось. – Вот смешно, ты к ветеринару, а я к ней. Правда, смешно?

Тут я и врезал ему в морду. Между глаз, изо всей силы.

Он был крупнее меня, он был сильнее, но он не ожидал, что я могу его ударить. Домашние любимцы, особенно породистые, из хороших семей, никогда не дерутся. Спонсоры

будут недовольны! Он вырвался и побежал прочь, но я догнал его и повалил на газон. Он пытался оторвать мои пальцы от горла, он хрипел и дергался, он бил меня ногами, и уже со всех сторон бежали люди и спонсоры. Моя хозяйка стала отрывать меня, а жабеныш бил меня когтистыми ножищами – он ненавидел меня и хотел убить. За открытым окном мелькнуло лицо Инны, искаженное страхом, я отбивался, царапался, кусался – я был диким зверем, которого надо убить. И если бы меня убили в тот момент, я бы не удивился и не считал это неправильным – такому, как я, не было места в нашем хорошо организованном цивилизованном мире.

Меня оттащили, Вик бессильно лежал на газоне, непонятно – живой или мертвый. Что-то кричали... А я существовал на уровне животных инстинктов. Мною правил инстинкт самосохранения.

Я рванулся и покатился по траве.

– Ты куда? – кричала госпожа Яйблочко.

А я уже перескочил через ограду и побежал прыжками, пригибаясь, виляя по мостовой – ожидая в любой момент пули или лазерного луча в спину, я несея куда-нибудь, меня вел инстинкт самосохранения – за город, в лес, на старую свалку... Я знал, что меня поймают, как всегда ловили всех беглецов и даже показывали эти операции по телевизору, чтобы другим неповадно было убежать. Но я все равно бежал...

ГЛАВА 2

Любимец на свалке

Я никогда еще не покидал нашего городка, который казался мне центром Вселенной, но я имел представление об окружающем мире. В нашем доме был телек, и господа Яйблочки позволяли мне смотреть его вместе с ними. Но телек работал не для домашних любимцев или других людей – он был зрелищем для спонсоров.

Я знал, что наша Земля – большая планета, на которой есть материки и океаны. Земля входит в великое содружество свободных миров, и господа спонсоры в этом содружестве занимают почетное место. Они несут свет правды и справедливости мирам, не знающим истинного учения. До того, как они прилетели к нам, мы, люди, тоже не знали истинного учения. А теперь мы многое уже знаем, но многое еще нам предстоит узнать.

Раньше на Земле жило очень много людей, это называлось перенаселением, людям доставалось мало пищи, они нервничали и нападали друг на друга. Сильные убивали слабых, погибали целые государства.

Когда спонсоры прилетели на Землю, неся с собой свет знания, среди людей были отдельные лица, которые не понимали истинных целей спонсоров и старались им помешать. С

этими людьми, вооруженными танками и другими средствами массового уничтожения, пришлось обращаться со всей беспощадностью справедливости. Мне приходилось видеть исторические телевизионные фильмы, в которых мелкие, но страшно злобные люди старались взорвать военные и идеологические объекты спонсоров, и тем, в принципе добрым и доверчивым, пришлось принести тяжелые неоправданные жертвы, прежде чем они победили. Я помню, как с негодованием смотрел эти фильмы, всей душой будучи с господами Яйблочками, и даже стыдился того, что мне пришлось родиться в шкуре человека.

По телевизору я смотрел и некоторые видовые фильмы. Они показывали природу и животных. Когда людей было слишком много, природа оказалась на краю гибели. Теперь же, когда людей стало меньше, природа снова стада чудесной. Спонсоры любили смотреть длинные, многосерийные, видовые фильмы – «В джунглях Амазонки», «В пустынях Антарктиды» и другие, поэтому я неплохо знал обычаи и повадки пингвинов и змей-анаконды, хотя не имел представления, какие люди живут в тех краях. И живут ли.

Приходилось мне видеть и ленты о жизни тех миров, откуда к нам прилетели спонсоры. Но, честно говоря, я ничего в тех фильмах не понимал, потому что был глуп и плохо образован. А если я спрашивал о чем-нибудь госпожу Яйблочку, она всегда отвечала: «Тебе, глупенький, не понять».

Впрочем, в те минуты, когда я бежал из родного дома в

неизвестность, я не размышлял о Земле или Галактике, меня мучила мысль, где можно спрятаться, где можно переждать погоню. Я знал, что погоня будет обязательно, я был свидетелем таких погонь, и, судя по рассказам спонсоров и любимцев, собиравшихся около универмага, такие погони обязательно заканчивались поимкой и жестоким наказанием человека, посмеявшего обмануть доверие спонсоров.

Направо от дома широкая бетонная дорога вела к базе спонсоров, где трудился мой хозяин, туда бежать – все равно что добровольно отправиться на живодерню. Налево, к центру, магазинам и местам коллективного отдыха спонсоров, также нельзя. Оставался путь через задние дворы, по пустырю, к городской свалке, месту таинственному, отвратительному, которое руководители базы давно собираются ликвидировать и сделать там трек для гонок на бронетранспортерах, да вот никак не соберутся, за что их неоднократно критиковал в домашних беседах господин Яйблочко. Оттуда, со стороны свалки, порой доносятся волнами гадкие запахи, и тогда все у нас в городке закрывают окна и включают кондиционеры. На свалке, как я слышал, скрываются бандиты и бродяги. Порой там устраивают облавы и пойманных бродяг отвозят на живодерню, а если убежит любимец или произойдет кража, то на свалку обрушивается справедливый гнев спонсоров.

И все же я побежал именно на свалку – иного места, чтобы спрятаться, я не знал. Тем более что за свалкой, как мне

рассказывали другие любимцы, начинается Великий лес, который идет до самой Австралии, то есть очень далеко. А в лесу растут ягоды и плоды, так что можно стать Робинзоном и даже построить хижину – один забулдыга, который пробрался в прошлом году в комнату отдыха для любимцев, за хлеб рассказывал нам различные древние истории. Тогда я над ним смеялся, а теперь, видите, пригодилось!

Меня уже хватились: далеко-далеко заревела сирена, это значит «Человек сбежал!», «Опасность!»; потом по вечернему небу пробежал и погас длинный луч прожектора. До моего слуха донесся шум вертолетного мотора...

Им понадобится несколько минут, чтобы меня поймать, притащить обратно и примерно наказать. Вернее всего, меня отправят «на мыло», как шутила госпожа Яйблочко, но, может быть, мои хозяева возьмут меня на поруки – все же не чужой! Тогда меня оскоят и будут держать на цепи.

Только не это!

«Что за странный бунт я поднял?» – задавал вопрос я себе, убегая все дальше от дома и краем глаза отмечая, как зажигаются окна в домах спонсоров, как они собираются на большую охоту: сбежал человек!

Свалка лежала на месте некогда существовавшего в наших краях человеческого города Тарусы, стоявшего на берегу реки. Город был грязен, река была переполнена химическими отходами – все это угрожало планете. Так что после прилета инопланетян было решено город как источник зара-

зы закрыть, а людей переместить.

Свалку продезинфицировали, рядом построили базу и городок для спонсоров, и постепенно свалка ожила – ведь надо куда-то девать отбросы спонсоров!

Свалка занимала громадный пологий откос, что вел от окраины базы к реке.

Когда я, задыхаясь, подбежал к свалке, ее бесформенные холмы в сумерках казались бесконечными.

Я остановился.

Пока я бежал, у меня была цель: добежать до свалки, а там станет понятно, что делать дальше.

Вот я добежал до свалки и не знал, а что же дальше? Зайти вглубь, откуда долетал неясный тяжелый запах тления, найти там яму или укрытие... и умереть?

А может быть, сейчас, пользуясь темнотой, поспешить к бесконечному лесу и стать его обитателем?

Находясь в нерешительности, я все же пошел к свалке, стараясь углядеть какую-нибудь тропинку.

Я ступил в мир, где громоздились кучи консервных банок, костей, сломанных предметов, битой посуды, компьютерных карт, сухой каши – я мало что мог разглядеть в темноте, но, конечно же, мое живое воображение видело эти кучи, как днем.

Все мое чистое, вымытое существо противилось необходимости приблизиться к помойным кучам – тем более что, будучи бос, я сначала наступил на что-то скользкое, затем

въехал пяткой в теплую податливую кучу и почти тут же напоролся на край консервной банки.

Зачем я сюда попал? Не лучше ли вернуться домой и покаяться? Согласиться на операцию? Но тут же я понял, что теперь операцией не отделаешься. Сбежавший любимец – источник микробов и заразы, психически нестабильный и опасный дикарь, и путь ему один – на живодерню!

Холмистый склон к реке был нем и насторожен – мне казалось, что я на нем не один, хотя ни шороха, ни движения я не ощутил.

Я замер, размышляя, что мне делать дальше, и неизвестно, сколько бы я рассуждал, но тут послышался приближающийся треск вертолета – его прожектор шарил по земле, и я понял – вот-вот он меня настигнет.

В ужасе я побежал по свалке, не обращая внимания, как больно моим подошвам. Я стремился к груде кирпичей, из которой поднимался обломок стены – я прижался к нему спиной, надеясь, что он оградит меня от прожектора.

Треск вертолета раздался над самой головой – черной рыбой он показался надо мной, и прожектор опустил перед моими глазами сверкающую стену. Луч его поворачивался, намереваясь проверить, не таится ли кто за обломком стены. Я хотел уж кинуться на землю в надежде зарыться в мусор, как увидел, что у самой стены, в двух шагах от меня, – черное отверстие. Я бы и не увидел его, но в тот момент из дыры выглянула человеческая голова и спряталась вновь – это

движение и привлекло меня.

В такой момент трудно запомнить детали собственного поведения. Я не запомнил своих движений, но оказался в черной дыре, я провалился, ударяясь о металлические скобы, плюхнулся в вонючую жижу, выпрямился, чтобы не потонуть в ней, и ударился затылком о свод подземного хода; на несколько секунд я потерял сознание, потом открыл глаза – в них бил яркий свет – и закричал:

– Убери, убери! Глаза вытекут!

Рядом кто-то засмеялся. Подло засмеялся, некультурно.

– Пускай вытекут, – сказал голос.

Я постарался сесть, собраться в комок – когти наружу – хоть Яйблочко и стригла мои ногти, даже маникюрила, потому что заботилась о своем любимце и собиралась вести меня на выставку. Хотя некоторые говорят, что я не очень породистый, но это еще надо решить, кто породистый, а кто плебей!.. Я выставил ногти наружу и оскалился – пускай меня боятся.

Они смеялись.

Тогда я легонько зарычал – чтобы они знали, с кем имеют дело!

– Слушай, дай ему между глаз, – сказал женский голос. – Пускай очухается, щенок вонючий!

Тут я не выдержал и кинулся вперед на голоса, хоть и не видел их владельцев. Я готов был их растерзать, а ведь госпожа Яйблочко всегда учила меня сначала подумать, а уж

потом делать, и не раз шлепала и даже порола меня, когда я совершал неосмотрительные поступки.

Поступок мой был неосмотрительным: я с кем-то дрался, но не видел с кем, и если я смог в первую секунду получить некоторое преимущество, потому что напал внезапно, то уже через минуту мне пришлось из последних сил защищать свою жизнь, отбиваясь от вонючих острых зубов и когтей – непонятно, человеческих или звериных.

– А ну, хватит! – приказал низкий женский голос. Приказал негромко, но в мою голову эти слова влетели, будто вкрученные отверткой. Полузадушенный, исцарапанный и избитый, вжавшийся спиной в холодную мокрую стену, я, наверное, и на человека не был похож...

Свет уже не только бил мне в лицо – второй фонарь загорелся сзади, – так что мне видно было, что я сражался с одноглазым, без уха, бородатым бродягой. Его волосатое, отвратительное на вид тело было испещрено множеством ссадин и шрамов. Бродяга тяжело дышал, из носа у него текла кровь.

– Я тебя, – говорил он тупо, – вот я сейчас тебя... с дерьмом скушаю...

Мне вдруг стало смешно. Все – и мое бегство, и мой ужас на свалке под лучом прожектора, и страшная схватка в темноте – все это кончилось глупыми словами какого-то ублюдка.

– Успеешь, – продолжал женский голос, и я, обернувшись,

увидел странное существо.

Представьте себе женскую голову – с четкими, будто вырезанными из мрамора чертами белого, молочного лица. Глаза этой женщины были велики и казались светлыми, но при том освещении я не смог угадать их цвета. Зато волосы были черные – пышной гривой они окутывали лицо и тяжелыми волнами стекали к плечам. Но мои глаза напрасно искали эти плечи – голова той женщины существовала как бы сама по себе, потому что тело, должное поддерживать ее, принадлежало горбатой карлице, так что, даже выпрямившись, та женщина не достала бы мне до пояса.

Смена чувств – от восторга до глубокого разочарования – несомненно отразилась на моем лице, и женщина почувствовала это. Глаза ее тут же сузились от ненависти ко мне, и маленькие сухие кулачки поднялись к груди, прикрытой грязной мешковиной.

– Не понравилась? – сказала она, вернее, прошипела, как змея.

Волосы зашевелились на ее голове, словно сплетение змей.

– Говори, не понравилась?

– А мне что, – сказал я, – мне все равно.

– Он не будет жить! – произнесла карлица приговор.

– Он не будет жить! – подхватили ее друзья, собравшиеся в подземном туннеле.

– В колодец его, – крикнула лохматая беззубая женщина.

– Нет, в болото, в болото, пускай его засосет! – кричал длинноносый старичок в высоком красном колпачке.

– Я его сам в отстойник отнесу! – заверещал одноглазый. – Пусть воняет.

По туннелю прокатился разноголосый смех, будто там было немало людей или каких-то других страшных существ, которые слышали наш разговор и радостно приветствовали приговор, произнесенный горбуньей.

– А я возьму! – Неожиданно одноглазый бродяга протянул вперед руку и рванул на себя мой ошейник. Мою единственную драгоценность, мое единственное имущество! Разумеется, мой ошейник не такой драгоценный и трижды электронный, как у Вика или других богатых любимцев, но все равно он сделан из колечек титанового сплава, отчего под солнцем он приятно переливается, на нем прикреплена моя Справка: пол, возраст, имя, владелец – ну, все как полагается!

Я зарычал, сопротивляясь. Я считал, что лучше пускай меня задушат, но я не превращусь в скотину без имени и хозяина!

Я бы дорого отдал свою жизнь, но тут меня так долбанули по затылку, что я выключился – будто умер.

Но я не умер, оказывается, я только потерял сознание. Потому что я очнулся... Было темно и пусто. Ни одной живой души. Но голоса и шум звучали вдали, в глубине.

Я ощупал затылок – он был горячий и мокрый. Они про-

били мне голову!

Шум и голоса приближались. Какие-то люди шли по туннелю.

Пух! Пух! Пух! – мыльными пузырями лопались выстрелы.

Я на четвереньках пополз в сторону от выстрелов, под коленями и под ладонями была жижа... Найти бы выход из этой дыры! Пускай меня поймают, пускай убьют, но я не могу больше мучиться!

Выстрелы и крики были все ближе.

Я почувствовал дуновение холодного воздуха, вот он коснулся разбитой головы... Я поднял голову – надо мной было круглое отверстие, в нем мерцали звезды.

Это было неожиданное спасение.

Впрочем, если подумать, ничего неожиданного в нем не было – через эту дыру я и попал в подземелье.

Я нащупал в темноте скользкие железные скобы и начал взбираться наверх – голова моя болела так, словно готова была отвалиться.

Воздух стал чище – можно было уже вдохнуть полной грудью и не потерять сознание.

Снизу, совсем близко, были слышны крики и выстрелы. Я пополз наверх быстрее.

– Давай лапу! – добродушно сказал кто-то сверху.

Я протянул руку, и человек помог мне выбраться на поверхность.

Пока я был в крошечной тьме, глаза мои привыкли к ней настолько, что я, встав рядом с человеком, который мне помог, сразу увидел, что он одет в черный мундир, в руках у него короткий автомат, а на голове похожая на ракушку каска милиционера.

От ужаса я хотел было прыгнуть обратно в дыру, но милиционер разгадал мое желание, коротко и быстро ударил меня по шее ребром ладони. Я еле удержался на ногах.

– Стоять, пакость! – зарычал он. – Хочешь живым остаться, стой, мерзость болотная!

Он сердился, но я понял, что он не будет меня убивать. Его голос был не смертельным.

– На корточки!

Я присел на корточки у его ног.

Вдали замелькали два фонарика – они приближались, соединяясь друг с другом.

Это шли другие милиционеры в черных мундирах и гнали перед собой несколько свалочных замарашек – смотреть было противно на эти несчастные, в нарывах рожи, на вскрытые патлы, тупые тусклые глаза. Подонки попискивали, ныли и вели себя, как жалкие животные, и я с некоторым злорадством подумал: то-то вам – одно дело нападать на безоружного и бесправного любимца, другое – поговорить с настоящими милиционерами, верными друзьями порядка, о которых даже Яйблочко говорила, что они достойны лучшей участи, чем родиться людьми.

Меня подтолкнули в спину, и я попал в группу подонков, но мои попытки обратить на себя внимание, чтобы сказать о моей принадлежности к цивилизованной части человечества, результата не возымели. Милиционерам было не до меня – они продолжали прочесывать свалку. Порой издали или из-под земли доносились крики или серии выстрелов. Порой мимо меня проносились стремительные тени, и я догадывался по виденным мною фильмам, что это милиционеры с реактивными ранцами за спиной. Неподалеку тяжело опустился большой вертолет.

Именно к вертолету нас всех и погнали.

Его люк велик, так что в него мог проехать небольшой танк, а внутри обнаружилось помещение размером с универмаг – наверное, вертолет делался для спонсоров, а они передали его милиции.

Внутри вертолета было очень светло – так что сначала я зажмурился. Вид моих спутников по заключению при свете был еще более отвратительным, и мне было удивительно, почему же милиционеры не видят, насколько я отличаюсь от диких подонков. Я готов был выбежать вперед, чтобы объяснить и рассказать правду, но в то же время нечто, подобное ужасу, меня останавливало: ведь не исключено, что вся облава была начата из-за меня...

Милиционеры были деловиты и молчаливы. Время от времени в чрево вертолета вталкивали новую порцию бродяг – скоро нас было уже более тридцати, и я оказался далеко не

в первом ряду.

В этой обстановке я не потерял любопытства и крутил головой, надеясь увидеть столь удивившую меня карлицу, но ее не было – может быть, ее убили?

– Вдоль стены, вдоль стены! – закричал сержант милиции. – В один ряд!

В один ряд выстроиться было трудно, но милиционеров это не волновало. Пинками и тычками они начали разгонять нас вдоль стены. Испуганные, потные, вонючие подонки дрожали от страха. Я не дрожал, хоть мне тоже было страшно. Но я знал, что в крайнем случае признаюсь, что я не паршивый бродяга, а настоящий любимец из хорошей семьи.

Высокий, широкоплечий милиционер, пилотка надвинута на нос, начал осмотр с крайнего бродяги – поднял его голову за подбородок, нажал на углы рта, чтобы рот раскрылся, посмотрел на зубы.

– Закрой! – сказал он. – Гниль вонючая!

Он перешел к следующему, старичку в красном колпаке.

Возле него он даже не стал задерживаться, ткнул его палкой в грудь и сделал шаг дальше... У меня разболелась голова, и я не задумывался, кого разыскивает помощник.

Он миновал таким образом пятерых или шестерых бродяг и приблизился ко мне, как от дверей раздался крик:

– Эй! Нашел!

Милиционеры втащили отчаянно сопротивлявшегося одногоглазого бродягу, совсем голого, если не считать моего дра-

гоценного ошейника. Так вот он, мой грабитель!

Я рванулся к нему, чтобы отобрать подло похищенную вещь, но меня опередил милиционер, который проверял пленников.

Он обернулся к пришедшим, сделал два шага к одноглазому и залаял. Честное слово, музыка его речи больше всего напоминала собачий лай:

– Этот гаденыш обокрал своих хозяев, совершил подлый поступок и думал, что сможет избежать справедливой кары!

Одноглазый, видно, догадался, что причиной немилости милиционера стал отнятый у меня ошейник. Он вцепился в ошейник, стараясь его сорвать, он хрипел:

– Это не я... это не мой!

«Это мой!» – мысленно кричал я, но, к счастью, лишь мысленно.

Неуловимым ловким движением милиционер поднял пистолет, и голубой луч провел угольно-черную полосу по груди бродяги.

Тот свалился грудой мяса и костей на пол. Никто и звука не издал.

По знаку сержанта кто-то подошел к мертвому бродяге, носком сапога откинул его голову и безглаголиво отстегнул мой ошейник. Передал его сержанту.

– Вот так, – сказал тот, – будет с каждым, кто посмеет нарушить доверие, которое оказывают ему наши спонсоры.

После этого он обернулся к нам, и я впервые смог разгля-

деть его лицо, как будто до того оно излучало какой-то смертоносный свет, мешавший увидеть его черты.

Это было обыкновенное лицо, я бы даже не сказал, что мужественное, – у него был убегающий скошенный подбородок, крупный нос и пухлые, в красных жилках щеки. Лицо как лицо. Может, лишь усы, необычные, с подусниками, уходящие вниз к углам скул, отличали его от подчиненных.

– А вас, рваньё, мы отвезем потрудиться, – пролаял он, – хватит бездельничать.

В толпе пленников поднялся вой. Отдельные вопли вырывались наружу и складывались в слова, мольбу, стенания...

Старичок в красном колпаке неожиданно кинулся к двери. Он даже успел ее достичь, но в дверях его настиг луч пистолета. Продолжая бежать, старичок исчез внизу.

– Еще есть желающие? – спросил сержант.

Никто, конечно же, не ответил.

Тогда сержант жестом приказал убрать тело одноглазого, погибшего, как я уже понял, только потому, что его приняли за меня. Затем нам всем приказано было сесть на пол, сбившись в толпу.

Мне казалось, что я потеряю сознание от зловония, но понимал, что теперь мне не остается ничего иного, как терпеть и ничем не выделяться из толпы. В конце концов это кончится и я смоюсь!

Закрыли люк. Вертолет плавно и быстро поднялся вверх. В кабине было тихо – шум мотора сюда почти не проникал.

Мне очень хотелось подняться и посмотреть на землю сверху, но я не решился.

– Сиди, сиди, – прошептал курносый бродяга, сидевший рядом со мной, – видно, уловил мое желание встать. – Сам погибнешь и других подведешь, щенок.

– Я тебе не щенок!

Курносый отклонился, увидев то, что я увидеть опоздал, – конец тонкого бича пронесся через вертолет и оставил на моем плече сразу вздувшийся красный след.

– За что? – крикнул я.

Милиционер засмеялся и вновь занес бич. Я спрятал голову в колени.

Рядом кто-то засмеялся. Тупость этих бродяг была сверхъестественной. Им были смешны даже мучения соседа.

Путешествие заняло немного времени.

Очень болело плечо, словно конец бича был пропитан ядом.

Все пленники молчали, я тоже молчал, у меня было тупое состояние. Меня можно было бить, а мне все равно. Да и не хотелось мне глядеть на морды бродяг.

Конечно, я мог подняться и сказать, что произошла ошибка. Но человека убили только за то, что он был в моем ошейнике. А если бы у меня не отобрали ошейник? Тогда бы мой труп валялся на свалке! Неужели ничего нельзя поделать? Я убежден, что наблюдаю произвол милиционеров, которых раньше считал верными друзьями порядка. А что, если это

не произвол, если существует где-то указ, по которому любимец, обманувший надежды спонсоров, подлежит уничтожению?

И не у кого спросить, некому признаться, не на кого опереться. Если бы я знал раньше, клянусь великим спонсором, я бы никогда не убежал. Да отрежьте мне хоть обе руки и ноги, только оставьте меня возле миски с вкусной пищей, у мирно журчащего телевизора, на моей мягкой подстилке! О, где ты, моя хозяйка? Я не желаю быть отщепенцем!

Я чувствовал, как горячие слезы текут по моим исцарапанным щекам, я старался плакать так, чтобы не привлекать к себе внимания... впрочем, никому до меня и не было дела.

Из глубокой задумчивости меня вывел чувствительный толчок в бок.

– Что еще? – спросил я.

– Ты парень хороший, – сказала худющая беззубая женщина непонятного возраста, грязная настолько, что нельзя было понять, одета она или нет. Голос у нее был хриплый, надтреснутый, почти неразличимый. – Ты парень красивый, – повторила она и подмигнула мне.

Нельзя сказать, что ее слова и действия меня обрадовали. Даже в такой отчаянный момент я бы предпочел быть рядом с обыкновенным чистым любимцем.

Но я даже отодвинуться не мог.

– Сейчас нас разбирать будут, понял?

– Как так разбирать?

– Сопляк ты недорезанный, – беззлобно сказала женщина. – Им облавы по помойкам да по лесам зачем нужны? Труда у них дефицит. Некому помирать на каторге. Если будешь себя умно вести, останешься живой и попадешь на легкое вкалывание, может, протянешь годик-два, а там и в бега уйдешь.

– Как умно себя вести?

– Если они решат, что ты сильный, – попадешь на урановые рудники. Или на уголь – это конец в две недели.

– А как я покажу, что я не сильный?

Хоть эту женщину я и видел впервые в жизни, я доверял ее словам. Может быть, потому, что иного выхода у меня не было.

– Хромай, ногу волочи, горбаться, мордой дергай – ну что, не придумаешь, что ли?

– А если не рудники?

– Тогда, может, в уборщики или канализацию, а то и на склад или самое лучшее – на кондитерскую!

– Это лучше! – Я подумал, что мне предлагают унижительный труд. Ни один любимец не станет убирать комнаты или чистить нужники – лучше смерть!

Возможно, на моем лице отразилось негодование, и женщина беззубо улыбнулась.

– Откуда ты такой взялся, любимец беглый, что ли?

У меня хватило сообразительности отрицательно покачать головой.

– Живи как хочешь, – сказала женщина, – мало ли народа по миру бродит.

Бродит... Это слово не могло относиться ко мне. Я не брожу – я домашний!

Вертолет опустился, нас из него выгнали на огороженное колючей проволокой поле, где мы и просидели до утра. Просидели – неточное слово. Я, например, пропрыгал все это время, стараясь согреться и мучаясь от жестокого холода. Если бы я был иначе воспитан, я бы отнял тряпку у кого-нибудь из старых людей – так, я видел, делали молодые и наглые.

Несколько человек сбились в кучу и грели друг дружку – в той группе сидела и женщина, учившая меня изображать из себя инвалида. Она позвала меня, и я сел с ней рядом – мне стало немного теплее.

– У меня один знакомый был, – рассказывала она мне, как старому приятелю, – мы с ним в Москве жили. Ты в Москве был?

– Нет, – сказал я.

Ветерок, который днем был прохладным, сейчас обжигал холодом.

– Ну хоть слышал?

– Слышал, – сказал я. – По телеку иногда показывали.

– А ты где телек видел? – спросила женщина с подозрением. – Нам ведь не положено.

За моей спиной сидел невидимый мне человек, по голосу старый, ему было теплее – его со всех сторон окружали люди. И он сказал:

– А ты не приставай, Ирка, он же беглый любимец.

– Нет, – сказала Ирка, – я спрашивала.

– Любимец он, любимец, у него же ошейник был. Кривой у него ошейник в вонючке отобрал, помнишь?

– Я не видела, я спала.

– А я видел, госпожа Маркиза хотела его попугать, а тут милиционеры накиннулись.

Мои соседи разговаривали так, словно меня не было рядом. Мне было обидно, но я молчал. Если молчишь, то на тебя не так сердятся. Если оправдываешься, то тебя обязательно выпорют, это первый закон домашнего любимца.

– А чего он тогда молчал? – спросила женщина. – Ведь из-за него Кривого убили, а нас всех забрали.

– Правильно сделал, что молчал, – сказал голос. – Кто просил Кривого ошейник у него отбирать? Каждый жить хочет, только жить надо, чтобы других не обижать. Кривой обидел, и нет Кривого – это закон.

Женщина ничего не ответила. А кто-то третий, из нашей же кучки, сказал:

– Тебе хорошо, Рак. Ты в бога веришь.

– Я и вам не мешаю, – сказал старик, которого называли Раком.

Потом я задремал, хоть груди и ногам было холодно, зато

сзади и сбоку меня грели другие люди, и было сносно.

Проснулся я потому, что стало еще холодней. Мы сбились в такую тесную кучу, что мои конечности затекли и я не знал, где мои ноги, а где чужие.

В загоне, который был нашей тюрьмой, по земле стлался холодный туман, и люди, вошедшие туда, казались безногими. Они медленно плыли в нашу сторону, и моему воображению, одурманенному холодом и стремительными событиями последних суток, казалось, что вокруг меня происходит черно-белый или, вернее, серобелый телевизионный танец.

– Вставать, вставать, вставать! – кричал толстый темнолицый милиционер в каске-раковине, надвинутой так низко, что она оттопыривала уши и закрывала лоб. – Стройся по одному!

Мне показалось, что сейчас все мы возмутимся, потому что обращение с нами было бесчеловечным, так не обращаются даже с комарами. Сейчас мы потребуем еды или хотя бы возможности умыться и оправиться. Но, к своему удивлению, я увидел, как все, включая меня, покорно поднимаются на ноги и, дрожа, растирая затекшие ноги, матерясь сквозь зубы, выстраиваются в неровную линию.

Я понимал, что отличаюсь от этих существ как ростом и сложением, так и гладкой светлой кожей, умными чертами лица и чистотой тела. Но я уже понимал, что не всеми советами подонков следует пренебрегать. Что-то говорило мне, что беззубая женщина дала разумный совет, так что, встав

в ряд, я тут же согнулся и начал дрожать, тем более что сделать это легко, если у тебя онемели ноги и ты промерз до мозга костей.

Наступила пауза, кого-то ждали. Но если один из нас пытался заговорить, сразу следовал окрик. Какой-то бродяга, не удержавшись, помочился прямо в строю. Милиционеры увидели, стали смеяться, потом пинками выгнали его из строя и стали бить дубинками. Ему стало больно, он подпрыгивал, а милиционеры требовали в неприличной форме, чтобы он продолжал мочиться, и, что самое удивительное, многие в строю начали смеяться, даже хохотать вместе с ними.

Но тут от входа в изгородь послышались крики. Незаметно подъехало несколько машин. Из них вышли люди и приблизились к нам. Раньше я думал, что всем людям, кроме милиции, запрещено одеваться, потому что одежда – это прерогатива разумных спонсоров, а мы, неразвитые, еще не доросли до одежды. Но люди, которые приехали в машинах, были одеты в разного вида одежду, и на ногах у них были ботинки или сапоги, как у милиционеров. Они громко разговаривали и даже смеялись – и я был так удивлен одеждой, что не смог рассмотреть лиц.

Эти люди вышли на серединку вытоптанного плаца, и один из них сказал сержанту:

– Ну и экземпляры!

Был тот человек странного для меня вида: его борода лежала веером на синей длинной одежде, а черные с проседью

волосы были пострижены и завиты.

– Вечно с ними морока, – сказал сержант. – Ну чистые скоты.

– Мы из них сделаем людей, – сказала толстая женщина, тоже в теплой одежде. У нее были красные щеки, будто от мороза – наверное, эта женщина много ела.

Все вместе они пошли вдоль строя. Первым выступал мужчина с большой бородой. Он останавливался перед людьми, порой приказывал открыть рот, отводил веко – словно на выставке любимцев, на которую меня как-то давно брали хозяева. Первые два или три человека ему не понравились, третьего, похожего на обезьяну волосатого брюнета, он вытащил из строя и показал пальцем, где тому стоять. И в его движениях была такая уверенность, что мужчина покорно сделал шаг в сторону, а бородатый, не оглядываясь, чтобы убедиться, исполнено ли его приказание, уже следовал дальше. Так он приближался ко мне, вытащив человек десять, и я не знал, хорошо или плохо попасть к нему, и обернулся в поисках беззубой женщины, но не сразу нашел ее – она стояла человек за пять от меня. Женщина заметила мой взгляд и догадалась, что я хочу узнать. Она отрицательно покачала головой и согнулась, показывая, словно больна. Я тут же последовал ее примеру – я согнулся так, что пальцы левой руки достали до земли, сгорбился и даже скособочил лицо.

– Ты всех возьмешь, Пронин, – сказала толстая женщина в меховой одежде, – нам же тоже рабсила нужна.

– Лишнего не возьму, Марья Кузьминична, – сказал Пронин голосом сытого человека.

Он как раз дошел до меня и внимательно посмотрел.

От страха разоблачения меня шатнуло.

– Ну и рожа, – сказал Пронин, скривившись от отвращения. Мне бы в тот момент возликовать, что он меня не разоблачил, но почему-то слова его, а тем более тон, которым они были произнесены, настолько возмутили меня, что я выпрямился и принял было гордую позу, но на мое счастье Пронин уже проследовал дальше. Зато мое движение не укрылось от толстой Марии Кузьминичны, и она быстро сказала:

– Этот – мне.

Я снова перекосялся: женщина потянула меня за локоть, а один из милиционеров, желая оказать женщине содействие, так дернул меня за руку, что я вылетел из ряда и отбежал, ковыляя, в сторону.

Процедура отбора людей прошла так быстро, что я не успел опомниться, как все мы стояли тремя кучками. Наибольшая, состоявшая из молодых мужчин и здоровых людей иного возраста, была отобрана Прониным, была еще одна группа – в нее попали я и беззубая женщина, мы стали собственностью женщины Марии Кузьминичны.

Третья группа, состоявшая из инвалидов и стариков, осталась как бы невостребованной, но именно эти люди покинули загон раньше всех – черная машина въехала внутрь, милиционеры помогали инвалидам и старикам забираться в

нее, потом сзади поднялась решетка, и последнее, что я увидел, – белые пальцы, вцепившиеся в прутья и исполосованные решетками лица.

– Их куда? – спросил я беззубую женщину. Я хотел спросить о нас, о себе, но не посмел, поэтому спросил о стариках, как бы идя от противного.

– Им кранты, – сказала беззубая женщина. Лицо ее от века до подбородка прорезал узкий шрам.

– Что это значит?

– А это значит, что на мыло.

Меня покорибл такой цинизм, но тем не менее я понимал, что судьба этих существ незавидна.

Мария Кузьминична подошла к нам и оглядела наше воинство, которое радости у нее не вызвало.

– И где же вас таких изготавляют, – сказала она печально. – Пользы от вас – кот наплакал.

– Не годятся, не брала бы, – сказал стоявший рядом с ней наглого вида лысый, несмотря на молодость, человек.

– На дармовщинку почему не взять.

После некоторой паузы она сказала мне:

– Можешь выпрямиться, ты уже мой.

Я понял, что мой наивный обман разоблачен, но сержант и бородач стояли еще так близко, что я не посмел распрямиться.

Так как я колебался, лысый помощник Марии Кузьминичны незаметно подобрался ко мне и так ударил по согнутой

ноге, что я подпрыгнул от боли и, конечно же, вынужден был выпрямиться.

Мария Кузьминична захохотала, уперев сильные руки в бока, а за ней стали смеяться и все остальные. К тому же я вместо того, чтобы стоять прямо, продолжал упорно сгибаться, как инвалид, а Лысый к вящему удовольствию зрителей продолжал меня пихать. Тут я потерял над собой контроль и, размахнувшись, ударил Лысого по плечу. Тот отлетел метров на десять и с таким звуком шлепнулся на пыльную землю, что все, включая меня, решили, что если он не погиб, то по крайней мере переломал себе все руки и ноги.

К счастью, Лысый остался жив и даже здоров, зато позор, пережитый из-за того, что его при всех ударил подонок со свалки, был для него непереносим, и я нажил врага.

– Вот это правильно, – сказала Мария Кузьминична. – Не зря я сразу на тебя глаз положила! Только бы, думаю, Пронин его не раскусил.

И она весело рассмеялась – она была веселой женщиной.

ГЛАВА 3

Любимец на фабрике

Грузовик, который вез новых работников Марии Кузьминичны, был открытым, стареньким, и на подъемах его двигатель страдал, пыхтел, отказывался трудиться. Лысый сидел в грузовике с бродягами, хотя пока никто не собирался убежать – все были голодны и замерзли. На людской лотерее, через которую, как я понял, некоторым пришлось пройти уже не раз, нам всем повезло. И работа, на которую везли, была сносная, да и директор Мария Кузьминична, по слухам, была не вредная. На ее фабрике тоже умирали от болезней, а кто не помирал, сбегали, но так, чтобы помереть от голода или чтобы тебя замучили – такого не бывало.

– Ты Лысого бойся. Лысого, – предупредила беззубая женщина, которая как бы взяла надо мной опеку, и я не возражал – по крайней мере, пока она мне помогала. – Он подлый и ревнивый.

– С чего ревнивый? – не понял я.

– Он с мадамкой живет, а она все ищет из трудящихся себе нового друга. Он же сам трудящимся был. На свалке вырос, на помойке помирать не желает.

– Ирка, заткнись! – крикнул Лысый. – Я тебя узнал, халява!

Женщина понизила голос, но говорить не перестала.

– Мы с тобой отлежимся, откормимся – и в лес!

– Зачем? – спросил я.

– За свободой, – ответила Ирка.

Она провела кончиками пальцев по тыльной стороне моей руки и добавила:

– Нежненький... Любимец.

– Я обыкновенный.

Грузовик трясло, и время от времени нам приходилось хвататься друг за друга, чтобы не упасть.

– А что это за место? – спросил я, чтобы переменить тему разговора. – Место, куда нас везут?

– А я тебе разве не сказала? Кондитерская фабрика.

– Там конфеты делают?

– Конфет я не пробовала за всю жизнь, – сказала Ирка, – и если это конфеты – то не для нас с тобой.

– А для кого?

– Темный ты! Как хоть зовут тебя?

– Тим.

– Тимошка?

– Лучше Тим.

– Как хочешь.

– А для кого конфеты?

– Это не совсем конфеты, – сказала Ирка. – Это конфеты для жаб.

– Для спонсоров?

– Ты точно с другой планеты – вот в чем дело!

Машина катила по неширокой дороге, которую давно не чинили, поэтому грузовику то и дело приходилось тормозить или объезжать ямы и трещины в асфальте. Я смотрел через борт, и мой глаз искал привычные пейзажи: серые кубы – дома спонсоров; сизые, врытые в землю купола – их базы.

Две башни наблюдения все время маячили на горизонте, но что касается других примет нашего мира – их не было видно. Местность вокруг была пустынной: кое-где из-под травяного покрова или из зарослей орешника поднимались металлические конструкции или валялись бетонные плиты. Я понимал, что это следы той великой и трагической эпохи, когда спонсоры, чтобы спасти Землю, были вынуждены закрыть и ликвидировать все ее вредные заводы и комбинаты, и люди получили возможность свободно дышать, а дети – рождаться здоровыми. Мне было известно, что по договоренности между спонсорами и теми людьми, которые предпочли самостоятельное, полное невзгод и случайностей существование, было заключено соглашение, что люди вывезут мусор и закопают его. Но люди, в силу свойственного им легкомыслия и неумения подолгу сконцентрироваться на одной мысли, забывали выполнить свой долг – теперь же, когда время упущено, и природа сама залечила свои раны, уборка потеряла смысл. Да и диких людей почти не осталось.

Фабрика, на которую нас привезли, была окружена изгородью с высокой сеткой в три ряда, а над сеткой тянулись

провода – я сразу понял, что по проводам пропущен электрический ток, я видел нечто подобное по телеку – там вредители лезли на проволоку и обугливались.

Наш грузовик прерывисто загудел, и через некоторое время к воротам лениво вышел человек в одежде. Госпожа Мария Кузьминична выскочила из кабины грузовика и принялась его бранить. А я смотрел на этих людей и думал: неужели власть спонсоров не так безгранична? Ведь сколько раз они повторяли и показывали по телеку – одеваться людям нельзя! И дело здесь не столько в нашем низком духовном и умственном развитии, сколько в гигиене. В одежде людей скрывалась масса паразитов и заразных грибков. До прилета спонсоров почти все люди были больны и вымирали – в частности, из-за того, что носили одежду. Как только спонсоры приказали людям раздеться и выкинуть одежду, все эти болезни как рукой сняло.

Для того чтобы человек успешно продвигался по пути совершенствования и превращения в разумное существо, он должен закаляться, заниматься гимнастикой и следить за чистотой своего тела.

Миновав ворота, грузовик остановился на пыльной площадке перед длинными строениями из красного кирпича. Окованная железными полосами дверь открылась, и изнутри вышел еще один одетый человек! Я представил себе, какое количество микробов развелось на этих людях, и мне чуть не стало дурно.

– Новых привезли? – спросил он.

– А ты как думал? Арбузы? – огрызнулся Лысый.

– Лучше бы арбузы. А то вы таких немощных возите, что от них пользы никакой.

– Дурак ты, Хенрик, – сказал Лысый, – пока живы, из них всегда можно пользу выколотить.

– Мальчики, мальчики, без ссор! – окликнула их Мария Кузьминична. – В какой барак мы их определим?

– Во втором почти пусто, – сказал Хенрик.

Пока они разговаривали, я осматривался. С трех сторон двор был окружен красными строениями, над одним поднималась высокая труба, из нее валил дым – он рвался в небо столбом, словно внутри работали мехи, которые гнали его вверх.

Одно из зданий пониже и поновее других явно было складским – вдоль него тянулась крутая галерея, приподнятая на метр. Возле нее стояло несколько трейлеров, из открытых дверей склада люди вытаскивали алюминиевые контейнеры и заносили их в кузова машин.

Ирка заметила среди рабочих своего знакомого, помахала ему и закричала:

– Ты живой еще, хромой черт!

– Тебе самой на живодерню пора! – радостно закричал человек из галереи.

– А ты мне поговори, поговори! – рявкнул Лысый. – А ну, пошли!

Он погнал нас к низкой двери строения, что было прямо перед нами, и никто не спорил – все замерзли на ветру и хотели поскорее в тепло.

По грязным скользким ступенькам мы спустились в подвал. Там было влажно, сыро, воняло человеческими нечистотами, единственная лампа, висевшая под сводчатым потолком, тускло освещала этот приют. По обе стороны прохода тянулись деревянные скамьи в два этажа, кое-как покрытые грязными тряпками. Вскоре я узнал, что они называются нарами.

При нашем появлении над одной из нар поднялась голова – все остальные нары были пустыми.

– Ты чего прохлаждаешься? – крикнул Лысый.

– Больной я, староста разрешил, – сказал человек и закашлялся.

– Ох и распустились без меня! – крикнул Лысый. – Чтобы завтра был на работе!

Потом Лысый поглядел на нас, покачал сокрушенно головой и сказал:

– А вы до обеда здесь, а после обеда – на трудовых постах, а то заporю.

– Зверь, – сказала Ирка, стоявшая рядом со мной. – Истинный зверь, если сказал заporет, значит, заporет.

Мне показалось, что она улыбнулась.

Хлопнув дверью, Лысый ушел, а тот человек, что был простужен, стал, не вставая, показывать нам, какие нары пустые,

а какие заняты, чтобы мы не поссорились с их хозяевами.

Окошки были забраны решетками и тянулись под самым потолком – видно, раньше в этом подвале что-то хранили, вряд ли его могли с самого начала замыслить как жилище. Хотя, впрочем, этому зданию куда больше ста лет – оно еще доспонсорское, а тогда люди жили плохо, грязно, безыдейно.

Ирка выбрала себе нары в самом углу, подальше от двери и вонючего ведра, а мне велела устраиваться над ней – она уже распоряжалась моими действиями, как добрая приятельница или даже родственница. Впрочем, так оно и было – сейчас мне на всем свете не найти человека ближе, чем эта бродяжка, которая почему-то прониклась ко мне сочувствием и взяла надо мной опеку. И хоть она была страшно грязная и передних зубов у нее нет, шрам через лицо, а вместо волос – космы, у меня не было к ней отвращения и презрения. Мне она помогала.

– Жрать охота? – спросила она, став рядом с нарами и проверяя, удобно ли я устроился. – Здесь кормят. В других местах не кормят, ждут, когда мы копыта откинем, а здесь даже пожрать дают. А это потому, что Машка-мадамка вовсе не злая. Даже непонятно, как в директорах держится, у них установка – истребление генетического фонда, смекаешь?

Я ничего не смекал, я половину ее слов не понял, но кивал головой, не спорил. Я улегся во всю длину на нарах – они были мне коротки, и пятки высывались наружу. Ирка стояла возле, уткнув подбородок в край нар. Вокруг стоял негром-

кий гул голосов и шум, производимый людьми, которые обу-страивали свои нищенский быт. Я подумал, хорошо бы сей-час рассказать этой Ирке, как может жить цивилизованный человек, рассказать ей о моей чистой и мягкой подстилке, о ковре, на котором я лежал и смотрел телевизор, о том, что у меня было по крайней мере три различные миски, и хозяйка их сама мыла, потому что не доверяла моей аккуратности.

Но выполнить своего намерения я не успел, потому что Ирка вдруг наклонила голову и, прищурившись, заявила:

– В баню бы тебя!

– Меня?

– А то кого же! Я еще такого грязного мужика и не встре-чала.

Я сначала не понял, шутка это или издевка надо мной, но все мое расположение к этой бродяжке как рукой сняло.

– Уйди! – сказал я. – А то я тебе скажу, на кого ты похожа.

– На кого похожа, на того и похожа, – ответила, нахму-рившись, Ирка.

– На бабу-ягу беззубую из помойки! – сказал я.

– Ну и мерзкая ты вонючка, – сказала Ирка.

Я думал, что она взбеленится, а она так печально сказа-ла...

Если бы она этим ограничилась, я бы не стал сердиться. Но она сложила лицо в какую-то дулю и сильно плюнула в меня.

В меня еще никто никогда не плевал.

Я вскочил, сильно ударился головой о свод потолка, свалился кулем с нар и кинулся за ней, чтобы убить. Я не преувеличиваю – я знаю, что любой любимец имеет право убить бродягу или преступника, и ничего ему за это не будет, потому что он проявляет верность спонсору.

Я бежал за Иркой, не понимая, что я уже давно не любимец.

Все в нашей спальне сообразили, что происходит, но мне никто не сочувствовал и не помогал. Некоторые подставляли мне ножки, пихались, ругались, даже били меня.

Ирка обернулась на бегу, и, могу поклясться Всемогущим спонсором, она улыбалась!

Ее щербатая улыбка придала мне сил, и я кинулся за ней к дверям.

Но, как назло, именно в этот момент в дверь въезжала тележка, на которой стоял котел с похлебкой для всех пленников. Тот мужчина, что толкал перед собой тележку, конечно же, не ожидал, что на него кинется разъяренный молодец.

На мое счастье похлебка была не очень горячей. Так что, когда котел опрокинулся, мы с поваром почти не обожглись, но грохот стоял невероятный – ведь котел покатился между нар, выплескивая на ходу похлебку с капустой и свеклой. В этом широком, но мелком потоке плыл, вернее, ехал на задую я сам, за мной катился котел, а держась за край котла в безнадёжной попытке удержать его, скользил повар.

Я убежден, что со стороны зрелище было комическим, но

смеяться было некому – сначала все перепугались, но скоро догадались, что по моей милости они остались без обеда. И еще не успел я завершить свое движение в потоке похлебки, как на меня со всех сторон кинулись разъяренные рабы – они рвали меня когтями, пинали, старались удушить, растоптать, оторвать мне руки и выцарапать глаза! Наверное, никогда в моей жизни я не был так близок к гибели, как в тот момент, я пытался спасти глаза и наиболее уязвимые части тела, но у меня не хватало рук, чтобы спасти все, и я катался по скользкому полу, стараясь избежать гибели.

Сколько это мучение продолжалось, я не знаю. Да и как я мог узнать об этом! Сквозь шум истязания до меня донесся крик:

– А ну, прекратить! А ну, по нарам! Я кому сказал!

Хватка рабов ослабла, меня отпустили, я смог открыть глаза и увидел, что Лысый разгоняет плетью рабов по нарам и что ему помогает Ирка, которая также старалась меня спасти.

Лысому не потребовалось много времени, чтобы понять, что же произошло. И тогда он совершил поступок, который еще больше унижил мое человеческое достоинство и еще более усилил мою ненависть к этому порождению Зла.

С наглой ухмылкой на лице он подошел ко мне и очень больно – вы не представляете, как больно! – огрел меня своим бичом. И снова. И снова! Бич свистел в воздухе столь грозно, что я думал, что каждый удар будет для меня послед-

ним, и все вокруг притихли, ожидая того же, только Ирка вдруг завопила:

– Не надо! Ему уже хватит! Он не нарочно.

Лысый как будто послушался ее и сказал:

– Только у меня для вас второго обеда не будет. Обходитесь, как знаете.

Вокруг поднялся угрожающий гул. Я сжался.

– А работать вы будете как миленькие, – добавил Лысый.

И ушел.

Я поднялся и пошел к своим нарам. Но забираться на нары не хотелось – такой я был измазанный. Некоторые, кто самый голодный, стали ползать по полу и собирать гущу из похлебки, а другим повар смог набрать со дна котла. Я стоял в углу между стеной и нарами и никуда не смотрел. Я ненавидел эту проклятую Ирку, которая была во всем виновата, из-за нее я ударился о котел. Вот бы сейчас она подошла, я бы ее задушил.

Ирка пришла позже. Я был рад ее задушить, даже руки дрожали от боли и ненависти. Но я ее не задушил, потому что она принесла мне свою миску, а в ней на дне – похлебка.

– Жри, чучело, – сказала она мне.

Я хотел выплеснуть похлебку ей в рожу и посмотреть, как она запрыгает, и она, видно, угадала это желание в моем взгляде, потому что отпрянула. Но потом голод взял свое, и я выхлебал похлебку и даже облизал миску языком.

Мы помолчали. Потом Ирка сказала:

– Давай сюда миску, чучело, мне ее отдавать надо.

Я отдал миску, хоть совершенно не наелся. Я все еще хотел избить эту дрянь, но если ты съел из рук, то ты признал хозяйку, хотя, конечно, Ирка не имела ничего общего со спонсорами.

– Где бы помыться? – спросил я.

– А я думаю, что вас вот-вот в баню погонят, – сказала Ирка. – Только ты поосторожнее, люди на тебя злые, голодные, они тебя задушить могут.

И на самом деле нас вскоре погнали в баню, только Ирку и еще одну женщину задержали, чтобы подмыть пол. Меня это расстроило, мне было страшно одному идти в баню.

Мое живое воображение строило картины, как они накидываются на меня и душат. Я шел последним и обратил внимание, что, сворачивая к двери в баню, все на секунду или две останавливаются перед какой-то дверью. И только поравнявшись с ней, я догадался, что это не дверь, а зеркало. Когда я в него заглянул, то вместо себя увидел страшное, черное, пятнистое, окровавленное существо, порождение дурного сна или грязного зверинца. И лишь когда я в ужасе отшатнулся и существо отшатнулось тоже, я догадался, что это и есть я – самый красивый любимец на нашей улице! Неудивительно, что они меня бьют и ненавидят. Такого уроды и я бы возненавидел! Поможет ли мне баня?

Баня была невелика и так наполнена паром, что в двух шагах не разглядишь человека. Там было жарко и душно.

Дома я мылся в тазу, который ставили в ванной комнате, а еще мне разрешали плавать в бассейне, я всегда был чистый и без блох.

На полке возле входа стояли алюминиевые тазы. Я сначала не знал, что они называются шайками и в них наливают воду, когда моются. Поэтому я стоял посреди бани, не представляя, как мне набрать воду из котлов, вмазанных в пол, – один с ледяной водой, второй с кипятком. Другие смешивали воду в шайках и потом мылись.

Я увидел пустую шайку – возле нее никого, решил последовать примеру других людей и в тот момент шкурой почувствовал опасность. Чувство было настолько острым – такое чувство развивается чаще всего у любимцев, а у людей обыкновенных его не бывает, – что я отпрянул в сторону, и тут же на место, где я только что стоял, обрушилась шайка крутого кипятка.

Брызги разлетелись во все стороны – обожгло и меня, и других людей, которые стали чертыхаться, и кто-то из женщин завопил:

– Опять он!

– Это не я! Это меня хотели убить! Обварить!

И что странно – они сразу поверили и отвернулись к своим шайкам, будто согласились оставить меня наедине со смертью.

На мое счастье тут пришла Ирка, она сразу подтащила свою шайку ко мне поближе и спросила удивленно:

– Ты живой, что ли?

При этом она опять нагло улыбалась. С каким бы удовольствием я сунул ее головой в кипяток! Но удержался и только отвернулся от нее.

– А ты гладкий, – сказала она и провела рукой по моей спине.

– Отстань, – сказал я.

Она ударила меня кулачком по лопатке и сказала:

– Нужен ты мне очень!

Все были голодные и злые и, кто мог, норовили толкнуть меня или обругать, но я ведь тоже был голодный и тоже терпел. На пинки я не отвечал, не хотел, чтобы опять они навалились на меня скопом; ведь рабы – они как животные, они не знают правил и чести. Так я и не узнал, кто хотел меня ошпарить кипятком.

Когда мы вышли из бани в холодный мокрый предбанник, там стояли два раба из тех, что жили здесь раньше. Перед первым возвышалась куча застиранных тряпок – каждому из нас досталось по тряпке, а второй вытаскивал из кучи и протягивал серую мешковину.

Это обрадовало бродяг, и они начали вытирать себя тряпками как полотенцами, а мешковина, оказывается, была сшита, как штаны. Мы сразу стали неуклюжими, но когда пар рассеялся, я с удивлением понял, что не узнаю спутников по загону и подземельям – горячая вода и мыло совершили с людьми волшебные превращения, и я с трудом уга-

дывал тех, кто меня колотил или хотел убить.

Вошел еще один раб, он принес большую корзину с ломтями серого, дурно пропеченного хлеба. Он вынимал ломти и раздавал – люди бросились к нему.

– Давайте жрите! – сказал раб. – Лысый велел, сказал, а то помрете в цехе.

Многие засмеялись. Люди были рады.

Но когда я подошел за куском, сразу воцарилась тишина.

– А тебе, длинный, – сказал раб, – не положено. Ты людей без шамовки оставил, а хозяину сделал большой убыток. Вали отсюда!

И я отошел, хотя был на две головы выше раба и мог бы свалить его одним ударом.

Одетые и вытертые, мы вышли из бани и пошли обратно к себе в спальню. Люди на ходу жевали хлеб и уже забыли о своих невзгодах. «Удивительно, до чего легкомысленны эти особи!» – думал я. Не зря спонсоры неоднократно обращали мое внимание на то, что люди могут бунтовать, бороться, подняться на войну – но только покажи им кусочек хлеба, они забудут о принципах! Таким суждено быть рабами! И я был согласен с господами спонсорами.

Молодая женщина в неловко и грубо сшитых из мешковины штанах обогнала меня. Мокрые волосы этой женщины завивались в кольца, и казалось, что вместо головы у нее солнце с лучами – такого ослепительно рыжего цвета были эти кудри.

Будто почувствовав мой взгляд, женщина обернулась. У нее было треугольное лукавое лицо, большие зеленые глаза и множество веснушек на белых щеках. Правую щеку пересекал шрам. Я любовался этой женщиной, а она вдруг сказала: – Чего уставился, красавчик?

И тогда я сообразил, что это всего-навсего моя подруга Ирка.

– Тебя не узнаешь, – сказал я.

– А тебя что, узнаешь, что ли? – Она рассмеялась, и я увидел, что у нее нет передних зубов.

– А где зубы? – спросил я.

– А вышибли. Били и вышибли.

Мы дошли до нашей комнаты, положили полотенца на свои нары, и тут же вошел надсмотрщик Хенрик и велел выходить к двери. Отмытые, мы ему понравились.

– На людей похожи, – сказал он. – Я уж не надеялся, что людей увижу! – Он расхохотался тонким голосом, и мы все засмеялись. Глядя друг на друга, мы понимали, что он имел в виду.

– Кто здесь уже был? – спросил Хенрик. – Не бойтесь, шаг вперед. Я драться не буду. Я и без вас знаю, что вы все беглые.

Ирка и еще человек пять шагнули вперед.

– Вы работу знаете, – сказал он. – Вам и быть бригадирами. А потом разберемся. У нас сейчас работы много, не управляемся. Кто норму сделает, получит лишнюю пайку,

мы не жадные. Кто будет волыннить, пеняйте на себя. Поголодаете... как сегодня! – Он засмеялся вновь, видно, уже знал, что у нас приключилось.

Когда мы проходили мимо него, он легонько дернул бичом, ожег меня по ноге и спросил:

– Это ты, красавчик, котлы опрокидываешь?

Он спросил без злобы, и во мне тоже не было зла, и я сказал:

– Я нечаянно.

– Ты у меня в бригаде будешь, – сказала рыжая Ирка. – Нас, я думаю, на перегрузке будут держать. На забой не возьмут – слишком сложная работа, понял?

– Нет.

– Я так и думала, что нет.

Мы спустились еще на этаж ниже. Под потолком горели яркие лампы, но от этого подвал был еще более неприглядным. Стены его были до половины испачканы бурыми пятнами и полосами, пол был покрыт бурой жижей. Через весь сводчатый зал тянулся широкий транспортер, грязный, старый, даже порванный и неаккуратно скрепленный в некоторых местах. В тот момент, когда мы, числом с полдюжины, вошли в зал, навстречу нам поднимались люди из предыдущей смены. Они были также измазаны, как и все в том зале, их шатало от усталости, а одного из сменщиков, невысокого молодого человека, одетого, как и все мы, в мешковину, вдруг вырвало чуть ли не нам под ноги. Он корчился, от-

вернувшись к стене, но никто не обращал внимания, а когда пришедший с нами жирный раскоряка с одутловатым лицом начал было материться, Ирка прикрикнула на него:

– Заткнись, не знаешь – не лезь.

В подвале царил тяжкий запах страха и смерти – я не мог объяснить, из чего он складывался...

Транспортер уходил и соседнее, не видное мне помещение, отделенное от нашего подвала резиновой занавеской. Оттуда доносился глухой шум – редкие удары, тонкий крик, ругань, возня, снова удары... будто там кипел бой.

По обе стороны транспортера стояли два могучих мужика, единственной одеждой которых были кожаные, вымазанные чем-то бурым передники, а в руках они держали металлические дубинки.

Вся эта обстановка подействовала на меня удручающе. Лишь одно желание руководило мной – удрать. Я с трудом проглотил слюну и спросил Ирку:

– Что здесь?

– Увидишь, – коротко сказала она, подходя к груде резиновых фартуков, лежавших на столе у транспортера, беря и завязывая его сзади.

– Мне тоже? Он же грязный.

– А ты думал, теперь всегда чистым будешь?

Мне показалось, что Ирка тоже боится, но не смеет признаться мне в своей слабости. Она же бригадир и старожил к тому же.

– Что надо делать?

– Фартук надень, а то себя не узнаешь.

Я подчинился ей, как уже привыкал подчиняться. Она завязала мне фартук на спине – запах смерти и мучений был теперь близок, я как бы закутался в смерть.

По виду других моих спутников я понял, что они испытывали такие же, как я, отвратительные чувства.

И вдруг транспортер дернулся и со скрипом двинулся в нашу сторону. Мужики у резинового занавеса подняли дубинки – они были наготове...

И тут... неожиданно!

Раздвинув своим весом занавес, на транспортере закрутился серый метровый червяк – ничего подобного мне видеть еще не приходилось. Он был страшен и, наверное, ядовит. Я не знал, как он попал в наш подвал, и рванул было бежать, но тут увидел, что мужики ждали его появления, потому что один из них, примерившись, ловко ударил металлической дубинкой червяка по голове, и он, дернувшись, замер.

Пока червяк медленно плыл на транспортере, я успел разглядеть его.

Убитое существо более всего напоминало громадную метровую гусеницу, покрытую серой шерстью и снабженную сотнями маленьких ножек. Некоторые из ножек еще дергались. Голова гусеницы была относительно велика, глаза – выпученные, как у стрекозы... Я бы и далее с отвращением рас-

смастривал это животное, но тут резиновый занавес раздался снова, и появилось сразу несколько таких существ, на этот раз мертвых.

Как только гусеница доехала до конца транспортера, Ирка приказала:

– Хватай! Тимка – за голову. Жирный – за хвост, а ну!

Сама она толкнула широкую плоскую тележку на низких колесах таким образом, чтобы она оказалась у конца транспортера. И тогда, частично от собственного веса, а частично от наших с Жирным усилий, тело гусеницы кулем свалилось на тележку.

Так как к концу транспортера уже подъезжали сразу несколько наваленных друг на дружку гусениц, то в дело пришлось вступить и другим членам Иркиной бригады. Гусеницы оказались страшно тяжелыми – по пуду, не меньше, и уже через полчаса я вымотался.

В наши обязанности входило грузить битых гусениц на тележки и выкатывать их в боковой зал, где за длинными оцинкованными столами со сливами, ведущими в эмалированные ванны под ними, стояли подобные нам бродяги, которые взваливали гусениц на столы и свежевали их.

Если какая-нибудь из гусениц оказывалась недобитой, мужики у начала транспортера должны были ее уничтожить. Почти всегда это им удавалось, но одна из гусениц, которую я подхватил было, чтобы перевалить на тележку, приоткрыла стрекозиные глаза, как будто зевнула, показав острые, длин-

ные, как у хищной рыбы, зубы. Я испугался и отпрыгнул в сторону – а вдруг она ядовитая? На мой крик подскочил мужик с дубинкой и добил гусеницу.

Так мы бегали, сваливали, грузили, отвозили гусениц часа два-три – точно не скажу. Я только знаю, что сначала я смертельно устал, руки отваливались и все время мутило от запаха крови гусениц – из них вытекало много крови. Но потом я постепенно вошел в тупой ритм работы и даже научился отдыхать – ведь транспортер нередко ломался, да и гусеницы шли неровным потоком.

Один раз транспортер сломался, и после всяких криков и ругани пришел человек с чемоданчиком – он достал инструменты и принялся чинить транспортер. Мы смогли отдохнуть.

– Лучше помереть, чем такая работа, – сказал я, прислоняясь спиной к транспортеру.

Ирка достала из волос сигарету. Жирный чиркнул спичкой и сказал:

– Оставишь затынаться?

– Вы курите? – удивился я.

– Нет, выпиваем, – сказала Ирка. – Еще вопросы будут?

– Зачем мы это делаем? – спросил я.

– Так это же ползуны!

– Конечно, ползуны, – вторил ей Жирный, глядя на сигарету. – А ты, Ирка, почаще затыгивайся, чтобы зазря не горело.

– Откуда они?

– Спонсоры их с собой привезли, из икры разводят, откармливают, а потом, когда они в тело войдут, их убивают.

– Спонсоры не едят мяса!

– Ах ты, любимчик! – Ирка усмехнулась.

– Спонсоры – вегетарианцы.

– Спонсоры едят пруст. Едят?

– Но это печенье.

– Что в лоб, что по лбу, – сообщила мне Ирка. – Но делается это самое печенье из ползунов. Неужели они тебя ни разу не угостили?

И тут меня вырвало, и я постарался убежать в угол, а надо мной многие засмеялись. Конечно же, я ел пруст – круглые такие лепешки. Бывают сладкие, бывают соленые.

Я еще не пришел в себя, как заявила мадамка в сером ворсистом платье. Она была встревожена поломкой транспортера.

– Дурачье! – кричала она на механика. – У меня разделочные сейчас встанут! Ты хочешь, чтобы меня вместо этих тварей в расход пустили! А ну, поторапливайся. А вы что расселись?

Мы уже не расселись, мы стояли смущенные оттого, что не работаем, хотя делать нам было нечего.

– А ну, в тот зал, помогайте свежевать!

Мысль о том, что я должен буду резать этих отвратительных гусениц, была столь ужасна, что я предпочел бы сам уме-

реть, но тут, к счастью, транспортер двинулся вновь, и я был рад, что занимаюсь хоть и трудным, но относительно чистым трудом. А потом, от усталости, радость испарилась...

Дальнейшее я помню урывками – я даже о голоде забыл, и тут Ирка хрипло закричала:

– А ну, шабаш работе, пошли в казарму!

Я не сразу сообразил, что это относится и ко мне. У меня даже не было времени осмыслить удивительный факт, с которым я столкнулся: Яйблочки и их телевизор учили меня, что спонсоры вегетарианцы, к чему они всегда призывали и нас, людей.

Мы с трудом сбросили намокшие фартуки и потянулись к лестнице.

Каждый шаг давался мне со страшным трудом. Я помню, как мылся в душе, чтобы отделаться от зловония. Но как мне удалось взобраться на верхние нары – загадка. И я сразу заснул. Ирка, как она потом сказала, даже не смогла меня растолкать, когда привезли ужин и раздавали хлеб.

Я просыпался, представляя себе, что нежусь на мягкой подстилке у кухонных дверей, и госпожа Яйблочко мирно возится у плиты, готовя завтрак из концентратов для себя и мужа – спонсорам наша пища, как правило, непригодна, и они питаются консервами... Вот с этим чувством жалости к моей госпоже я проснулся и в то же время почувствовал что-то неладное – запах! Звуки! Холод! Духота!

И тут же весь ужас моего положения обрушился на меня,

как лавина.

Я уже не любимец – я раб, я изгой, которому суждено погибнуть на бойне, таская туши вонючих гусениц, я скоро умру, и ни одна живая душа не подумает обо мне... Одиночество – вот самая страшная беда на свете, как же я не думал об этом раньше? Неужели жизнь моя возле спонсоров была столь согрета лаской, что я не чувствовал одиночества? Чушь! Я никогда их не любил, но до встречи с соседской любимицей не подозревал, что нуждаюсь в других людях. Основное качество домашнего животного, подумал я сквозь сон, – это естественность одиночества, ненужность других... Я сам удивился тому, как красиво складываются мои мысли – раньше я никогда так не думал.

– Подвинься, – услышал я шепот. – Разлегся, тоже мне!

Я не испугался и не удивился – это Ирка лезла ко мне на верхние нары.

– Так и помереть можно от холода, – шептала она.

Она притащила с собой на второй этаж старый мешок, которым накрывалась. Вместе с моим мешком у нас получалось настоящее одеяло, а Иркино тело было горячим, как грелка, которую я когда-то наполнял для ног госпожи Яйблочки.

– Ты только меня не столкни, – сказала Ирка.

– Нет, я не ворочаюсь, – сказал я, прижимаясь к ней, чтобы не свалиться с нар.

Я хотел поговорить с ней, и мне даже мерещилось, что я

говоря, но на самом деле я уже спал – согревшийся и оттого почти счастливый.

Утром загудела сирена – всем вставать!

Я проснулся от воя сирены и от того, что обитатели нашего подвала начали шевелиться и чертыхаться, а Ирка скользнула вниз на свои нары, утащив с собой мешок. Сразу стало холодно, и я после нескольких бесплодных попыток скорчиться так, чтобы сохранить ночное тепло, вынужден был соскочить с нар.

Ирка уже побежала в коридор и крикнула мне по пути:
– Скорей, красавчик! Я очередь к параше займу, а ты к умывальнику!

Она была опять права – хоть я провел всего сутки в этом мире, но уже понял, что без Ирки я бы пропал.

Она еще не успела скрыться в дверях, как целая толпа обитателей подвала понеслась в сортир и к умывальне. Оба помещения были невелики, в одном – три крана, в другом – три очка. А нас в подвале полсотни. И всем надо.

Я побежал следом за Иркой. Она уже стояла в начале большой очереди – к параше. Очередь в умывалку была меньше, но я знал, что она увеличится, потому что люди будут переходить в нашу очередь. За мной, к счастью, оказался старый знакомец – Жирный из нашей бригады. Когда подошла Иркина очередь войти в сортир, я сказал ему, что мы с Иркой сейчас вернемся. И побежал к ней. В очереди сразу начали кричать: «Он здесь не стоял! Он еще откуда взялся?» А Ир-

ка начала визжать: «Я предупреждала! Где твои уши были, старый козел?»

Завязалась перебранка, но она не помешала мне воспользоваться сортиром и благополучно вернуться в очередь к умывалкам. Ирка была веселая, а я расстроен – что же, думаю, теперь мне доживать свои дни в этой вони и холоде? Я же рожден благородным и красивым домашним животным! Я не желаю превращаться в грязного раба!

– Ты что? Тебе плохо? – спрашивала Ирка. Глаза у нее были добрые. Я вырвал руку – ну что объяснишь этому примитивному созданию, которое, может, никогда в жизни не видело телевизора или кофемолки?

– Ты как хочешь, я тебе не навязывалась, – сказала Ирка. – Я хотела, как лучше.

– Знаю, – сказал я. Я уже не сердился на нее – я сердился на свою судьбу. Вновь так остро я ощущал запах смерти, и все во мне сжималось от отвращения, что сегодня придется заниматься тем же, чем и вчера.

Совершив утренний туалет, мы вернулись в наш подвал, куда два раба вкатили бак с желтоватой водой, которую именovali чаем, и второй бак – с кашей. Каждому дали по миске и по ложке – потом их надо было вернуть.

Ирка облизала ложку, потом отвалила мне в миску каши из своей миски.

– Ты что? Зачем?

– Мне много, а ты не наешься!

Я, наверное, должен был отказаться, но был голоден.

Ирка смотрела на меня с интересом, глаза у нее зеленые, через щеку от века до подбородка – тонкий шрам.

– Ешь, – сказал я ей, – а то остынет.

– Я холодное люблю, – сказала она.

Каша была безвкусная, скользкая и недосоленная.

– А ты как сюда попала? – спросил я у Ирки, прихлебывая теплый чай.

– Как и ты, – сказала она, – со свалки.

– А на свалку?

– Я бродячая, – ответила Ирка. – Как наших сократили, я тогда девчонкой была, я по свалкам пошла.

– Кого сократили? – спросил я. – И как сократили?

– Учи тебя, учи, – сказала Ирка удивленно. – Я еще такого не видала! Простых вещей не понимает. Мы в поселке жили, в агросекторе. А по программе поселок шел под девственную местность – вот нас и разломали. Мужчин ликвидировали, а женщин – в резерв. Мы с сестрой в Москву убежали. Нам говорили, что в Москве жизнь клевая. А ввали... Ты в Москве не был?

– Москва – это тоже свалка?

– Москва – это такая свалка, что никто ее конца не видел – охренеешь, какая свалка!

В дверях подвала появился Лысый, он прошел внутрь и стоял, похлопывая себя по ногам плетью, – я в жизни еще не видел такого злобного существа, как он.

Он молчал, а все, кто сидел за столом, замерли, даже есть перестали. Лысый ждал. Вошла мадамка. Веселая улыбка во всю широкую физиономию, тридцать золотых зубов!

– Ну и как, мои цыпляточки? – гаркнула она с порога.

– Спасибо... спасибо, – откликнулись работники.

– Плохо работаете, – заявила мадамка. – На мыло захотелось? Я вас быстренько туда спроважу. Нормы не выполняете – жабы голодные сидят!

Я поежился – даже в мыслях нельзя было именовать спонсоров жабами, хотя про себя все их так называли.

– Сегодня конвейер потянет быстрее. Так что держитесь, мазурики. Но если не подохнете, к обеду будет картошка, поняли?

Все стали благодарить эту наглую квадратную женщину. Мне она совсем не нравилась.

Машка-мадамка ушла в следующий подвал – она по утрам часто проходила по подвалам, смотрела, как живут ее рабы, даже разговаривала с ними. Ирка обернулась ко мне:

– Смотри, что я сейчас у одной тетki за полкуса выменяла!

Она показала мне обломок гребенки.

И тут же за столом принялась причесывать свои пышные рыжие волосы.

– Я тебе ползунов покажу. Их из яиц выводят, а откуда яйца – не знаю, наверное, инкубатор есть.

– Они противные, – сказал я. – Меня от их вида воротит.

– А я в простых местах выросла, – сказала Ирка, – там, где деревья, трава и лес. Большая гусеница – разве это плохо?.

Меня всего передернуло от этих слов. Эти стрекозиные умершие глаза и короткая серая шерсть... Я понял, из чего сшита шубка госпожи Яйблочко, я понял также, из чего сделано платье Машки-мадамки, и я понял, что раньше был ничего не ведающим сосунком, и если бы не беда, так бы и остался сосунком до старости, подобно всем прочим домашним любимцам.

Но, может, это ошибка? Может быть, моих дорогих спонсоров кто-то оболгал? Их, убежденных вегетарианцев, их, выше всего ставящих жизнь на нашей планете, облили грязью подозрения... А кто тогда убил одноглазого? Одноглазого убили милиционеры, которые всего-навсего люди. А кто убивает гусениц-ползунов? Их убивают бродяги и подонки, такие, как мы. А когда из них делают печенье, мои спонсоры и не подозревают, что им приходится вкушать. Надо срочно сообщить об этом, раскрыть заговор, надо бежать к спонсорам...

– Ты что? – спросила Ирка. – Глаза выпучил, губа отвисла, слюни текут...

Я замахнулся на нее – она отпрыгнула, чуть не свалилась на пол и зло сказала:

– Поосторожнее. Я и ответить могу!

Тут загудела сирена, и мы пошли надевать грязные фартуки. Все послушно, лишь я один – с ненавистью и надеждой

вырваться отсюда.

Второй рабочий день с самого начала был тяжелее вчерашнего. Машка-мадамка выполнила свою угрозу – транспортер катился быстрее, чем вчера, но, правда, разницу в скорости до какой-то степени съедали частые поломки и остановки транспортера. Выросло число недобитых гусениц – мужикам у занавески пришлось потрудиться до седьмого пота. Я помню, как один ползун оказался страшно живучим, он очнулся, когда Жирный уже хотел подхватить его, чтобы кинуть на тележку. Тут-то он подпрыгнул и решил убежать. Мужики чуть с хохоту не померли, пока Жирный его добивал – он за ним с дубиной, а гусеница под транспортер! Второй мужик тоже под транспортер!

Но добили в конце концов. Все-таки двое разумных на одну тварь, лишённую разума.

Через час или около того я начал выдыхаться, и, как назло, транспортер больше не ломался – руки онемели от тяжелой ноши... И тут вошли два спонсора.

Когда вошли спонсоры, я от усталости сразу и не сообразил, что это именно спонсоры. Я только удивился: откуда здесь взялись две огромные туши, которым приходится нагибаться, чтобы пройти в высокую и широкую подвальную дверь. Оба спонсора были в их гражданской одежде, но в колпачках с поднятыми гребнями – значит, они при исполнении обязанностей.

Вряд ли кто в подвале кроме меня понимал все эти услов-

ные знаки и обычаи спонсоров – мне же сам бог велел это знать, а то спутаешь гостя с инспектором лояльности – выпорют обязательно. Я еще щенком, мне лет десять было, полез на колени к одному спонсору, который был при исполнении, – до сих пор помню, как он наподдал мне! А когда я заплакал, мне еще добавил сам господин Яйблочко...

Спонсоры были при исполнении. Машка-мадамка это понимала – шла на шаг сзади и готова была ответить на любой вопрос. Она была бледней обычного, руки чуть дрожали.

Они остановились в дверях. Впереди – два спонсора в позе внимания и презрения, на шаг сзади – Машка-мадамка, еще позади – Лысый и надсмотрщик Хенрик. Мужики с дубинками стали по стойке смирно, ели глазами высоких гостей. Какого черта они сюда приперлись – проверить, не жестоки ли мы к гусеницам?

Резиновая занавеска дернулась, и транспортер, придя в движение, вывез из-за нее груды дохлых гусениц.

Первый спонсор завопил на плохом русском языке:

– Он живой, он есть живой! Бей его!

В его голосе звучал ужас – словно гусеница могла броситься на него.

Одна из гусениц на транспортере дернулась – практически она была уже дохлой, она бы и без дополнительного удара сдохла. Но мужики с дубинками так перепугались, что принялись колотить с двух сторон эту гусеницу, превращая ее в месиво.

– Идиот, – громко сказал по-русски второй спонсор.

Спонсоры всегда говорили с людьми по-русски. Это объяснялось не только их глубоким убеждением, что мы, аборигены, не способны к языкам, но и соображениями безопасности. Тот, кто выучивает чужой язык, вторгается в мир существ, которые общаются на этом языке, он нападает. Я об этом догадался давно, но не давал себе труда выразить это в мыслях даже для себя. Зачем? Мне было тепло, сытно и уютно. Человек начинает думать, когда ему плохо и холодно.

– Скоты, – сказал первый, и оба, повернувшись, пошли прочь из подвала. А я, потеряв на минуту способность думать, забыв, где нахожусь, вдруг ужаснулся, что сейчас спонсоры уйдут и я навсегда останусь в вонючем подвале, во власти грубых, жестоких людей. Уход спонсоров был как бы разрывом последней нити, которая соединяла меня с цивилизацией.

Все смотрели вслед спонсорам, и никто не успел меня остановить, хоть все в подвале видели, куда я побежал. Лишь Ирка крикнула:

– Тимошка, Тима, ты себя погубишь! Что ты делаешь, дурак?

Остальные рабы тупо смотрели, ожидая, когда вновь двинется транспортер и начнется работа.

Выбежав следом за спонсорами из подвала, я оказался в широком и высоком коридоре. Шедшие впереди спонсоры почти доставали головами до потолка. Машка-мадамка се-

менила рядом как любимица, а Лысый шел чуть сзади.

Они не оборачивались и не видели меня.

Я находился в неуверенности. Казалось бы, сейчас лучший момент, чтобы криком обратить на себя внимание. Но что, если спонсоры мне не поверят? И оставят меня в руках людей? Лысый меня убьет, как гусеницу!

Они дошли до двери. По очереди наклонившись, чтобы не задеть за притолоку, спонсоры вышли во двор кондитерской фабрики. Я прижался к косяку двери. День был теплым, солнечным, свежим. Гладкие и такие скользкие – я помню, как в детстве это меня завораживало, мундиры спонсоров, в покрое и деталях которых лишь опытный глаз, подобный моему, мог различить чин и положение, блестели на солнце, отражая его лучи. Мой взгляд, натренированный за много лет на гостях господина Яйблочко, безошибочно сообщил мне, что спонсоры, нагнавшие такой страх на наш цех, относятся к низшему эшелону их власти – это простые исполнители. Эти спонсоры и не были военными – они были снабженцами, то есть существами, не пользующимися большим доверием и уважением в гарнизонах. В дом Яйблочков их бы и не пригласили.

Для жителей Земли все спонсоры равны и тем непобедимы. Каждый из них, как боевой муравей, несет свою службу. Все одинаковы: безжалостны и непобедимы. На самом деле это совсем не так, но человеку об этом не догадаться – ведь человек судит по выражению лица, по нормам поведения,

которые у людей и спонсоров совсем разные. Ну что будешь делать, если у спонсора лицо лишено мышц и не может выражать эмоций, зато длинные средние пальцы рук беспрестанно движутся и очень выразительны. Зачастую они могут сказать о настроении, намерениях и чувствах (да-да, и спонсоры способны на чувства!) спонсора куда больше, чем слова.

– Сколько у вас работает эта партия? – спросил Машку-мадамку старший спонсор.

– Только второй день.

– Плохо работают, плохо, – сказал второй спонсор.

– А где взять лучше? Я была на распределении, – пожаловалась мадамка. – Пронин всех крепких взял на рудники.

– Люди везде нужны, – сказал спонсор.

– Это вы решайте, – сказала мадамка, и я понял, что она не испытывает трепета перед спонсорами. И если бы я не знал, что люди – не более как отсталые дикари, которых спонсорам приходится учить и опекать, я бы подумал, что идет деловая беседа между равными.

– Но у вас легкая работа. А в шахте трудно. Они там быстро отмирают, – сказал первый спонсор.

– Тут только еда, – сказал строго второй спонсор, и в голосе его я услышал фон – жужжание – это означало, что он начал сердиться, но я не знал, уловила ли мадамка эту угрожающую нотку. – Мы готовы жертвовать собственными интересами и даже питанием для большой жертвы – для продукции, которая нужна всему обществу, всей галактике. Мы

готовы на жертвы, а вы? Где ваши жертвы?

– Люди работают не покладая рук.

– Ползунов переращиваем, – сказала мадамка. – Их на неделю раньше забивать надо, тогда мясо нежнее и концентрат лучше. Вы это лучше меня знаете. А вам вес подавай!

– Нам нужен вес. Гарнизоны растут.

– Есть опасность – они уже кричат.

– Эту опасность нельзя допускать.

– Так что же делать? – спросила мадамка.

– Если будете плохо делать, мы отрываем вашу прекрасную голову. – Спонсор постучал концом среднего пальца по своей шее – это было признаком веселья. Не знаю, догадалась ли о том мадамка, которая была занята своими невеселыми мыслями.

– Если оторвете мою прекрасную голову, – сказала она, – вам придется искать другого директора фабрики.

– Найдем, – сказал второй спонсор.

– Ищите, – сказала мадамка.

– Не будем спорить, – сказал первый спонсор. – Мы довольны. Вы хорошо работаете. Мы пришлем новых людей. Эти должны работать не больше пяти недель. Затем прошу подготовить их к ликвидации.

– Вы с ума сошли! – воскликнула мадамка. – У меня не проходной двор. Только человек научился работать, а вы его на живодерню. Это неумно.

– Не надо спорить!

– Вы боитесь, что кто-то проговорится? Кому проговорится? Тростнику?

– Не надо разговоров, – сказал спонсор. – Знающие тайну не живут.

– Я сегодня принимала яйца, – сказала мадамка. – Семь тысяч ящиков.

– Вас мы тоже убьем, – сказал спонсор, – немного потом. Это шутка.

– Знаем, какие с вами шутки, – сказала Машка-мадамка. Спонсоры мерно покачивались от смеха.

Они двинулись дальше от двери к ожидавшему их военному вертолету, мадамка с Лысым, не сказавшим ни слова, пошли за ними. С каждым шагом мне труднее было слышать и труднее бороться с желанием выбежать вслед за ними...

– ...Я говорю с вами откровенно, – донесся до меня голос спонсора, – вы наш человек. Есть случай бегства домашнего любимца от одного нашего специалиста.

– Мне говорили, его вчера утром убили.

– Его по ошейнику опознали, – добавил Лысый.

– Так все думают. Пускай думают. Мы послали его фотографии на опознание хозяевам. Хозяева сказали – не тот. Тот молодой, высокого роста. Чистый, без следов на теле и без болезней. Он из хорошего дома.

– А зачем вы это нам говорите?

– Если он попал к вам, вы легче его найдете.

– Зачем?

– Немедленно сообщите нам. Он не должен жить.

– Почему? Что он сделал?

Мне совсем трудно было улавливать их слова. Они отошли к самому вертолету, по двору проезжали машины с какими-то ящиками и сосудами, винт начал медленно поворачиваться, я готов был высунуться на двор.

– Сообщите нам, а если есть подозрения – убейте его сразу! Убейте! – Спонсор старался перекрыть шум мотора. – Мы будем проверять!

– Поняла! – кричала в ответ мадамка. – Лучше ищите его на шахте! У меня все старики и инвалиды.

И только тогда, с роковым опозданием, я понял, что разговор шел именно обо мне. Они уже знают, что спасшая меня случайность – лишь отсрочка! А здесь, на фабрике, я и не думал притворяться – я не хромаю и не изгибаюсь... Мадамка и Лысый почти наверное могут сложить два и два и догадаться, кто из нас – беглый любимец.

Но почему такая ненависть? Почему надо убивать меня? Урок другим любимцам?

Я понял, что не побегу за ними, я пошел назад по коридору.

...Ноги были как ватные. Надо было торопиться, а я медленно и обреченно брел обратно к цеху, потому что там был единственный близкий мне человек – бродяжка Ирка. Но что ей сказать?

В дверях меня встретил надсмотрщик Хенрик:

– Ты где шатался?

Жирный заворчал на меня:

– Я что, один их переваливать должен?

Ирка сказала:

– А я испугалась, что ты пропал, – бежать хотела.

Она помогала Жирному вместо меня.

Я взялся за хвост ползуна – шерсть его была теплой, тело мягким. Он все выскальзывал из рук.

– Они знают, что Кривой не любимец, – сказал я, повернувшись к Ирке.

Я ведь ни разу не признавался, что я – бывший любимец. Она и без меня догадалась. Ей ничего не надо было объяснять.

– Теперь тебя ищут?

– Они сказали мадамке, что я должен быть здесь, на фабрике.

– Найдут, – сказала Ирка. – Уходить надо.

– Они и вас хотят убить.

– Когда?

– Через пять недель.

– Почему?

– Чтобы не рассказывали, где побывали, что кушали.

Мужики с дубинками снова устроили гонки за недобитой гусеницей – ползун свалился на пол, и началась такая суматоха, что мы могли с Иркой говорить спокойно, не опасаясь, что нас подслушают.

– Давай убежим, – сказал я.

– Обязательно убежим! Только погодим. У меня тут дела есть.

– Дела?

– А что, разве у человека не бывает дел?

– Они за мной придут!

– Пускай приходят, – сказала Ирка равнодушно. – Да не суетись ты, как господская собачонка. Важно не когда приходят, а кто приходит. Подумай ты, голова садовая, зачем мадамке тебя спонсорам сдавать. Она что-нибудь лучше придумает.

– Они ее не будут допрашивать?

– Ты жизни не знаешь. И уж Машкиной жизни тем более.

Транспортер поехал вновь, выплевывая трупы гусениц, и я был вынужден включиться в работу.

Человек ко всему привыкает. К жизни на кондитерской фабрике тоже можно привыкнуть. К концу смены я уже не валился с ног от усталости, а сохранил в себе достаточно сил, чтобы пойти по фабричным дворам и закоулкам, разыскивая место, где можно убежать.

За фабричными корпусами тянулась изгородь из колючей проволоки. За ней были бетонные корпуса, низкие, приземистые; там таились инкубаторы и теплицы, где из яиц выводили гусениц, а потом подземными коридорами подросших насекомых перевозили к нам в цех, на убой, оттуда – на раз-

делку и переработку, фабрика у нас была не маленькая!

Я пошел вдоль изгороди. Все здесь было пропитано застарелым запахом падали.

Изгородь кончалась у ворот. По ту сторону шел красный кирпичный забор. Он был старый, кое-где верхние кирпичи выпали, и если бы отыскать лестницу или хотя бы большой ящик, то можно будет перелезть через забор. Я не задумывался над тем, что я буду делать, когда убегу с фабрики, — я находился во власти страха. Мне казалось, что спонсоры вот-вот вернутся, чтобы забрать меня с собой или пристрелить на месте.

Рассуждая так и крутя головой в поисках лестницы, я зашел в узкий проход между забором и складом и тут услышал впереди голоса.

Я остановился.

— Ты с ней поговорил? — произнес женский голос.

Собеседники были отделены от меня высокой кучей ржавого металлолома.

— Она согласна отправить его к Маркизе. А что ты ей обещала?

— Мое дело.

— Она не обманет?

— Я ей достаточно пообещала.

Тут я узнал голос Ирки. Конечно, это голос Ирки! Я не узнал его сразу только потому, что слова, произнесенные этим голосом, не могли принадлежать жалкой бродяжке. Это

были слова уверенной в себе особы. А кто же второй?

Я подошел поближе и постарался заглянуть в щель между грудой железа и кирпичной стеной.

Мужчина стоял ко мне спиной. В руке у него был хлыст, и он постукивал им себя по ноге. Хлысты есть у надсмотрщиков и Лысого. Нет, это был не Лысый. Для Лысого он слишком худ и мал ростом.

– Надо спешить, – сказала Ирка.

Я мог хорошо разглядеть ее. Ирка была серьезна. Она не стояла на месте, а медленно ходила, как зверь, загнанный в клетку, – два шага вправо, два шага влево.

– Завтра утром, – сказал мужчина с хлыстом. Он оглянулся, и я узнал Хенрика – нашего надсмотрщика.

– Кто его повезет? – спросила Ирка.

– Лысый. Кто же еще?

– А нельзя, чтобы ты?

– Нет, мадамка не согласится. Она только Лысому доверяет.

– Тут уж ничего не поделаешь. Мы не можем мадамке приказывать. Просить можем, а приказывать – нет.

Они говорят обо мне! Как же я сразу не догадался! Они договорились с Машкой-мадамкой, чтобы меня отсюда увезти.

Великое облегчение и благодарность к Ирке и Хенрику охватили меня. И мне вовсе не было страшно, что везти меня к новому месту жительства должен был Лысый. Как-нибудь

справимся...

К Хенрику и Ирке спешил по проходу громоздкий мужчина, в котором я узнал одного из мужиков, добивавших гусениц.

— Ну сколько тебя ждать! — накинулся на него Хенрик. Они сразу забыли обо мне.

— Все в порядке. — Мужик тяжело дышал, будто бежал издалека.

— Говори.

— Ящики разгружали у первого блока. Сначала хорошо считали, а потом господа спонсоры ушли обедать...

— Короче, где ящик?

— Жан тащит.

В дальнем конце прохода появился второй мужик, который прижимал к животу большой плоский ящик.

Хенрик пошел к нему навстречу.

— Тебя никто не видел?

— Вроде не видел.

— Они считать не будут?

— Чего считать, мы их сами складывали. Где деньги?

— Ирка, отдай ему, — сказал Хенрик.

Ирка протянула первому мужику заранее отсчитанную и стянутую резинкой пачку денег.

— Считать не надо, — сказала она.

И тут я совершил глупый поступок. Желая получше видеть, я неловко оперся о ржавую трубу, и вся куча железа

начала угрожающе крениться.

– Беги! – закричал Хенрик.

Я пытался за что-нибудь зацепиться, удержаться и, конечно же, лишь делал себе хуже – мне казалось, что я лечу с горы в лавине, состоящей из гвоздей и гирь... Сколько это продолжалось, не знаю, но закончилось мое падение на земле. Я не двигался, стараясь сообразить, что у меня сломано.

Потом я осторожно пошевелил правой рукой, в кулаке у меня было зажато что-то острое. Я приоткрыл глаза и увидел, что, как букет цветов, сжимаю пук колючей проволоки.

Я хотел было продолжать осмотр своих ран, но тут услышал голос:

– И как нам нравится лежать?

Я испугался и постарался сесть. Сел я на железный костыль, подскочил и с жуткой болью, исцарапанный и сочащийся кровью вырвался из ржавого плена.

Оказалось, что я стою перед надсмотрщиком Хенриком.

Узколицый, почти лысый, с короткими усами и бородкой, он раскачивался на ступнях – вперед-назад, постукивая себя по штанине хлыстом.

– Простите, – сказал я. – Я нечаянно.

– Врешь, – спокойно возразил Хенрик. – Подслушивал. А ну, к стенке!

– Больно, – пожаловался я.

– Не послушаешься – будет больнее.

Я отступил к стене.

– И что же ты услышал?

– Ничего!

Глаза Хенрика, маленькие, светлые и настойчивые, буквально пронзали меня. Я боялся сознаться.

– А что видел? – спросил Хенрик.

– Я случайно здесь шел, – занял я. Из собственного опыта я знал, что перед спонсором или сильным любимцем надо показать себя слабым, несчастным, совершенно безвредным. – Я случайно шел...

– Зачем? Здесь никто не ходит.

– Я шел... потому что я хотел убежать!

– Ты хотел убежать? Не отходи от стены! Ты куда хотел убежать?

– Через забор.

– Почему?

– Потому что я никому не верю. И вам тоже не верю!

– Правильно. Никому верить нельзя. Ну продолжай, продолжай. Значит, ты шел здесь и думал: как бы мне убежать? А тут перед тобой куча железа – ты сразу в нее носом...

– Я задумался!

– Врешь! – Хенрик замахнулся хлыстом.

Я бы никогда не напал на начальника, но я очень испугался, что мне будет больно. Я оскалился, прыгнул на него, вырвал хлыст и сломал его рукоятку о колено. Хенрик пытался мне помешать, но я отбросил его, потом кинул ему в лицо хлыст.

Хенрик поймал хлыст и сказал почему-то:

– Хороший кнут был. Дурак ты, любимчик!

И тут я понял, как я виноват. Я начал отступать, прижимаясь спиной к кирпичной стене. Хенрик не нападал на меня. Он рассматривал хлыст.

А я, почувствовав, что отошел от него на достаточное расстояние, кинулся бежать.

Я раскаивался в том, что не сдержался и напал на Хенрика. Он мне теперь отомстит. Мне еще одного врага не хватало!

Подавленный, я вернулся в наш подвал. Люди уже возвращались со смены. Было душно и воняло потом и всякой гадостью. Некоторые спали на нарах, другие сидели за длинным столом посреди подвала – разговаривали, играли в кости... На меня никто и не посмотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.